

ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

АЛЬМАНАХ ТРЕТИЙ

ИЗДАНИЕ
СУДОГОДСКОГО БЛАГОЧИНИЯ
И КОМИССИИ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ
ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Владимир 2013

ББК 63.3(2)-4 + 86.372

Д 44

По благословению
Архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия

Д 44 Дивен Бог во святых Своих. Альманах третий. Издание Судогодского благочиния и Комиссии по канонизации святых Владимирской епархии. – Владимир, 2013. - 62 с.: ил.

© Авторы статей, 2013

© Комиссия по канонизации Владимирской епархии, 2013

© Судогодское благочиние, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Протоиерей Георгий Морохин</i>	
Проблемы канонизации новомучеников Российских на примере святителя Афанасия (Сахарова). Доклад на XXI Международных Рождественских образовательных чтениях	5
<i>Монахиня Сергия (Каламкарова)</i>	
Протоиерей Троицкого собора города Александрова Николай Харьюзов	17
<i>Покровский Владимир Павлович, Федотова Мария Яновна</i>	
Священник Петр Иванович Покровский	35
<i>Ершов Андрей Леонидович</i>	
О закрытии храма в селе Мошок Судогодского района	49
<i>Ершов Андрей Леонидович</i>	
О закрытии храма в селе Погребищи	56
Послесловие	59

ПРЕДИСЛОВИЕ

Святость в христианстве не исчезает, а живёт вечно, чем оно и велико. Святость прославляет и красит человека в народе, для которого нет имени Святого, пред коим он готов преклониться. Новый, третий небольшой выходящий в свет сборник памяти Владимирской Земли вновь открывает необозримое богатство души её замечательных исповедников и мучеников за веру Христову, ни с чем не сравнимое из земных явлений, и о которых так много и живо надо говорить и равняться на них. Несомненно, Божья благодать ярко воссияла в святых Земли Владимирской, сделав их невечерним светом для неё, убедительно указующими на иное Отечество, что на Небесах. Господь ведь сотворил не только землю, но и небо, как вечное жилище для тех, кто будет веровать Ему и творить волю Его как всесвятую.

Нам нельзя извиниться в непостижимости и недоступности вопроса спасения души, коим высоко отличились подвижники веры и благочестия, будучи нашими костями от костей. Непонимание Истины вечной, как заключают все святые отцы церкви, тесно связано с развращённостью духовных нравов и нераскаянностью в них, напрямую препятствующей к Её познанию, как подлинной силы жизни.

Без покаяния и фактического исправления своей прежней греховной жизни невозможно узреть вечное Солнце Правды, чувствовать своего Бога, ожидающего как пастырь обращения к спасению каждого, кто только стоит и приходит на эту землю. Хотя она не проста, а сверх сложна, однако через неё призваны все к восходу на небо. В представлении святых, как свидетелей Истины, обозначенная для всех дорога к вечности, которую украшают не только вера и любовь, но и терпение, пот и кровь, как причастность к страданиям, что порождает Христова земная жизнь, нами творимая.

*Архиепископ Владимирский и Суздальский
Евлогий*

Протоиерей Георгий Морохин

ПРОБЛЕМЫ КАНОНИЗАЦИИ НОВОМУЧЕНИКОВ РОССИЙСКИХ НА ПРИМЕРЕ СЯТИТЕЛЯ АФАНАСИЯ (САХАРОВА)

Доклад на XXI Международных Рождественских образовательных чтениях

В 90-х годах прошлого века, когда во всех епархиях Русской Православной Церкви начался активный сбор материалов для предстоящей канонизации новомучеников и исповедников, не была ещё дана окончательная оценка многих событий церковной истории 20-50-х годов, да и до сих пор исследователи не пришли к единому мнению об этом сложном времени, которое принято называть теперь периодом богоборческих гонений. Речь идет, прежде всего, об эпохе церковных расколов («разделений»), признании истинного мученичества в «разделениях», отношении к советской власти и т.д.

На прошлых Рождественских Чтениях так или иначе уже затрагивались проблемы подготовки к канонизации новомучеников и исповедников. Одним из острых вопросов является отношение священнослужителей и мирян к церковной политике, проводимой Заместителем местоблюстителя Патриаршего Престола, Сергием (Страгородским). И как следствие этого, отношение к высшей церковной власти, пониманию ее каноничности, а, следовательно, и евхаристическому общению, поминовению за богослужением первоиерарха, канонических границ власти местоблюстителя патриаршего престола, отношению христиан к богоборческой власти. Острота этого вопроса заключается не только в сложности исследуемого периода или недостаточности документального материала. Спор, начавшийся в 20-х годах XX века о той грани, где заканчивается административное непослушание и начинается раскол, по сей день актуален.

В этом отношении очень ценен пример исследования материалов, касающихся канонизации святителя Афанасия (Сахарова).

Нужно отметить, что лично к митрополиту Сергию епископ Афанасий до конца своих дней относился с почтением и почти все его действия до начала 30-х годов одобрял.

В 1919 году, когда большевики начали пропагандистскую кампанию по вскрытию мощей, совместные усилия митрополита Сергия, который занимал тогда Владимирскую кафедру, и иеромонаха Афанасия (Сахарова) позволили предотвратить поругание святынь. Митрополит Сергей благословил не чинить препятствий комиссии по вскрытию мощей в Успенском кафедральном соборе и установить возле них дежурство духовенства. В соборе поставили длинные столы, застеленные церковными покрывалами (такими тогда покрывали гроб с усопшим), а на них аккуратно положили святые мощи. Первыми возле мощей дежурили иеромонах Афанасий (Сахаров) и псаломщик Александр Потапов.

Как только двери собора открылись для допуска народа, отец Афанасий громко возгласил: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!..» – «Аминь!» – ответил псаломщик, и начался молебен владимирским святым. Народ стал креститься, ставить свечи и класть поклоны. Так, предполагаемое поругание святынь обратилось в торжественное прославление¹.

А отчёт о вскрытии мощей, опубликованный в местной газете «Известия исполнительных комитетов Владимирского губернского и уездного Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», содержал, в частности, такие – уникальные по тем временам – сведения о мощах святого благоверного князя Георгия: в 1238 году в бою с татарами ему отсекали голову; «её не нашли, тело похоронили, а затем найденную позже голову положили во гроб, и она... срослась с телом. На... останках князя было хорошо заметно, что позвонки в месте отсечения смещены и срослись неправильно»².

¹ Сергия (Ежикова), инокия. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнопиец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. С. 48.

² Апушкина Е. В. Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова // Вестник РХД. Париж – Нью-Йорк, 1973. № 107. С. 178.

Таким образом, благодаря разумному действию священнослужителей во Владимире кампания по вскрытию мощей привела совсем не к тем результатам, которых ожидали безбожники.

А 10 июля 1921 года митрополит Сергей, находившийся тогда в нижегородской ссылке, возглавил архиерейскую хиротонию Афанасия (Сахарова) во епископа Ковровского. Тем самым митрополит Сергей практически доверил своему молодому викарию управление всеми делами Владимирской епархии.

В 1922 году, когда большевики под предлогом помощи голодающим решили, по словам Ленина, «провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»³, в Шуге, которая относилась тогда к Владимирской епархии, происходит столкновение верующих с реквизиторами, при котором выстрелами войск в толпу убито пять человек и ранено пятнадцать⁴.

Чтобы впредь избежать кровопролития, митрополит Сергей пишет и рассылает по епархии специальное архиерейское воззвание. Иноки Московского подворья Валаамского монастыря сообщали тогда в свою обитель: «Митрополит Сергей благословил отдать благолепие храмов на нужду народную, утешая тем, что храмы и без золота останутся храмами, а святые иконы и без риз останутся иконами и что на суде Господнем нас спросят не о том, украшали ли мы святые храмы и иконы, а о том, напоили ли жаждущего, накормили ли голодного и одели ли нагого». За эту позицию Святейший Патриарх назвал митрополита Сергея «благомыслящим»⁵.

22 марта 1922 года специальная комиссия ВЦИК одобряет действия Шугинского руководства по изъятию ценностей и подавлению на-

³ Покровский Н. Н. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922-1923 гг. // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Выпуск 1. М., 1995. С. 130.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Косик О. В. Из истории Владимирской епархии (1917 - 1923 гг.) // Богословский сборник. М.: Издательство ПСТБИ, 2000. № 6. С. 34 - 35.

родного возмущения. Назначается следствие, по окончании которого к суду привлекают девятнадцать человек. Трое из них приговорены к расстрелу⁶. Причем исход суда был predetermined уже 22 марта 1922 года, когда на заседании Политбюро было принято предложение Троцкого: «...виновных Шуйских попов и мирян – Трибуналу в недельный срок (коноводов расстрелять)». На том же заседании Троцкий предлагает: «...В течение... недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей»⁷. А 26 марта 1922 года обращается к членам Политбюро с письмом: «Во Владимире изъятие было произведено, по-видимому, с преступной небрежностью и дало ничтожнейшие результаты. Необходимо поговорить об этом твёрдо с владимирской делегацией и добиться от нее проведения декрета (об изъятии церковных ценностей – Прот. Г. М.) целиком»⁸.

27 мая (9 июня) 1922 года митрополит Сергей (Страгородский) и епископ Афанасий (Сахаров) предстают перед судом. Им инкриминируют утаивание церковных ценностей из ризницы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, которую разграбили сотрудники ЧК, занявшие обитель и выселившие оттуда всех иноков. Обвиняемых приговаривают к одному году тюремного заключения, но на следующий день освобождают по амнистии⁹.

Через неделю после суда митрополит Сергей признал поддерживаемое большевиками обновленческое Высшее Церковное Управление. Но и тогда епископ Афанасий не осудил открыто действия своего епархиального архиерея, а лишь составил краткую заметку о собственном отношении к ВЦУ, где писал: «Как христианин я, согласно слову Божию, повинуюсь предрежающей советской власти... Если советская власть рассматривает ВЦУ как свой орган для надзора за политической благонадёжностью церковных деятелей, я признаю его

⁶ Минин С.Н. Очерки по истории Владимирской епархии X - XX вв. Владимир, 2004. С.58.

⁷ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 134.

⁸ Косик О. В. Указ. соч. С. 36.

⁹ Там же.

как таковой»¹⁰. Разумеется, никто из представителей «предержащей советской власти» не подтвердил, что обновленческий раскол инспирируется большевистским государством. Признавая распоряжения митрополита Сергия, епископ Афанасий не только не признавал законными действия ВЦУ, но и само обновленческое движение считал расколом.

Владыка Афанасий ценил митрополита Сергия и как церковного гимнографа. Будучи убеждён, что каноны в богослужебном отношении «выше» акафистов, которые, по словам святителя Афанасия, «вращаются главным образом около реальных предметов и житийных подробностей»¹¹ и гораздо проще по мысли, он, тем не менее, считал «очень хорошим» акафист Божией Матери, составленный митрополитом Сергием и разрешённый к церковному употреблению патриархом Тихоном¹².

Помимо акафиста митрополит Сергей составил ещё и канон в честь Боголюбской иконы Божией Матери. Он также написан рифмованными стихами и называется «Канон эксаметрический». Этот канон, сохранённый епископом Афанасием, опубликован во втором томе «Зелёных Миней» за июнь¹³.

Несмотря на уважительное отношение епископа Афанасия к митрополиту Сергию, он, однако, не одобрял тех его действий, которые считал узурпацией церковной власти, и примкнул к так называемому «движению непоминающих». Этим и была вызвана проблема при первоначальном рассмотрении вопроса об общецерковной канонизации святителя Афанасия.

¹⁰ Кравецкий А. Г. Святитель Афанасий Ковровский: биографический очерк. Владимир, 2012. С. 36.

¹¹ Архив Владимирской епархии, фонд епископа Афанасия (Сахарова), оп. III/1, д. 1, № 12.

¹² «Вечная песнь Небесам...» Акафист в честь Боголюбской иконы Божией Матери, составленный Святейшим Патриархом Сергием. Вступ. ст. и публ. Д. В. Кантова // Свет Невечерний. Журнал Владимирской епархии РПЦ (МП). 2005. № 8. С. 14.

¹³ Кантов Д. В. Акафист в честь Боголюбской иконы Божией Матери, составленный митрополитом Сергием (Страгородским) // Мeneвские чтения, 2008. Научная конференция «Роль богослужения в Церкви». Сергиев Посад, 2009. С. 111.

Напомним, что «непоминающими» с начала тридцатых годов прошлого века называли тех священнослужителей Русской Православной Церкви, которые не возносили за богослужением имя митрополита (а впоследствии и патриарха) Сергия. В свою очередь они также имели некоторое разделение на умеренных, не поминающих заместителя местоблюстителя, но признающих Синод, до крайне не поминающих и не признающих благодатность в т.н. «Сергианских» храмах.

Причём формальным поводом к тому, чтобы не поминать на молитве имя митрополита Сергия, послужила отнюдь не знаменитая «Декларация» 1927 года, где он шёл на известные уступки богоборческой власти. Наибольший протест вызвала политика по административному перемещению архиереев и статья, опубликованная в первом номере «Журнала Московской Патриархии» за 1931 год. В этой статье митрополит Сергей, замещавший в то время Патриаршего Местоблюстителя – митрополита Петра (Полянского), заявил, что заместитель Местоблюстителя «облечен Патриаршей властью» и что «нельзя... требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя»¹⁴.

Ситуация осложнялась тем, что митрополит Пётр, который фактически был законным первоиерархом Русской Церкви, находился в заключении, а митрополит Сергей – на свободе, хотя и под бдительным надзором ГПУ. Более того, митрополит Сергей был объявлен митрополитом Московским и Коломенским, то есть главою тех епархий, которыми по традиции мог управлять лишь Патриарх.

Поэтому многие архиереи не признали власть митрополита Сергия законной. Они решили, что митрополит Сергей превысил свои полномочия, восхитил не принадлежащее ему достоинство. Среди них были находившиеся тогда в ссылке архиереи-исповедники – митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Возвратившись в декабре 1933 году из ссылки, епископ

¹⁴ Митрополит Сергей (Страгородский). О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя. ЖМП. 1931. № 1. С. 3. Цит. по: Собрание писем Святителя Афанасия (Сахарова). М., 2001. С. XIII.

Афанасий написал митрополиту Сергию, что под его руководством управлять епархией отказывается. До конца своих дней епископ Афанасий называл митрополита Сергия «захватчиком».

После мученической кончины митрополитов Петра и Кирилла некоторые из «непоминающих» признавали своим главою епископа Афанасия. Однако Владыка Афанасий полагал, что вопрос о подчинении или неподчинении митрополиту Сергию касается только архиереев: именно они должны объявить «узурпатору» своего рода «бойкот» – мирян во внутреннее дело иерархии вовлекать не следует. Владыка Афанасий осуждал «ругательные отзывы о так называемых «сергианских» храмах и о совершаемом там богослужении», признавая это «хулою на Духа Святаго»¹⁵. Тем более, никогда не считал он священнослужителей, признавших власть митрополита Сергия, безблагодатными, а таинства, совершаемые ими, – недействительными, и «не уклонялся от посещения храмов, где богослужение совершалось священнослужителями, признававшими митрополита Сергия».

«Непоминающее» духовенство, постоянно находившееся под угрозой ареста, вынуждено было совершать своё служение «тайнообразующе», как выражался епископ Афанасий. Впоследствии движение «непоминающих» образно назвали «катакомбной церковью».

Известно, что в январе 1927 года епископ Афанасий вместе с группой архиереев был арестован и попал на Лубянку. В одиночке он сидел с митрополитом Сергием и по окончании следствия получил за «принадлежность к группе архиереев, возглавляемых митрополитом Сергием Страгородским» – три года Соловецких лагерей. Глава «группы» митрополит Сергей получил свободу и вернулся к возглавлению Церковного управления»¹⁶.

Канонического общения епископа Афанасия с митрополитом Сергием не было восстановлено и после избрания последнего в 1943 году в Патриархи.

¹⁵ Собрание писем Святителя Афанасия (Сахарова). М., 2001. С. 285.

¹⁶ Молитва всех вас спасёт. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М., 2000. С. 21.

Движение «непоминающих» формально прекратило своё существование в 1945 году после избрания Патриархом Московским и Всея Руси Алексия 1 (Симанского). Отбывавшие заключение в одном лагере: епископ Афанасий (Сахаров), протоиерей Пётр Шипков и иеромонах Иеракс (Бочаров), узнав об избрании и наставлении патриарха, посовещались и единогласно решили, что поскольку новый глава Русской Церкви признан Вселенскими патриархами и другого законного предстоятеля у неё нет, то необходимо возносить на молитве имя патриарха Алексия.

Сразу же по выходе на свободу в 1955 году святитель Афанасий пишет послание, обращённое к «рабам Божиим, скорбящим о скорбях Матери нашей Церкви Православной Российской». В этом послании Владыка призывает «непоминающих»: «Не лишайте себя утешения молиться в храме Божием. Молитва домашняя не может заменить молитву Церковную. <...> Молю Бога, чтобы меня и братию мою, единомысленную мне, Он Сам наставил и умудрил так, чтобы нам против единства Церковного не погрешить, совестию не покривить и соблазнов не умножить»¹⁷.

В другом письме, датированном тем же годом, епископ Афанасий пишет: «Всё, что в деятельности Патриарха и Патриархии смущает и соблазняет ревностных ревнителей, – всё это остаётся на совести Патриарха, и он за это даст отчёт Господу. А из-за смущающего и соблазняющего, что иногда может быть не совсем таким, каким нам кажется, – только из-за этого лишать себя благодати Святых Таинств – страшно»¹⁸.

Многое из того, что написал святитель Афанасий почти шестьдесят лет назад, до сих пор не утратило актуальности. Вопрос о преемственности церковной власти относится к компетенции архиереев, и вовлекать мирян в его обсуждение неканонично; есть только одна действительно серьёзная причина, чтобы отказаться от общения с тем или иным священнослужителем: если он начнёт принародно проповедовать с церковного амвона ересь, уже осуждённую Вселенскими

¹⁷ Собрание писем... С. 304 - 305.

¹⁸ Там же. С. 286.

Соборами; могут быть и недостойные, на первый взгляд, иерархи, как, например, Феофан Прокопович, но и они «продолжают оставаться действенными раздаятелями благодати до тех пор, пока законной церковной властью не будут лишены дарованных им в таинстве священства благодатных полномочий раздавать Божественную благодать и возносить к Престолу Божию молитвы верных»¹⁹.

В 1958 году, когда во Владимире отмечалось 800-летие Успенского кафедрального собора, в праздничном богослужении принял участие и святитель Афанасий. В письме, отправленном управлявшему тогда Владимирской епархией ахиерископу Онисиму (Фестинатову), Владыка писал: «...я особенно радуюсь тому, что моё сослужение с Вашим Высокопреосвященством должно теперь рассеять совершенно неосновательное мнение некоторых ревнителей, имеющих ревность не по разуму, которые, уклоняясь от посещения православных храмов, состоящих в ведении Московского Патриархата, оправдывают своё уклонение тем, что и епископ Афанасий не служит в храмах якобы потому, что считает их неправославными. Теперь эта неправда опровергнута со всей очевидностью. <...> Господь дал мне возможность пред всем всенародным множеством... громогласно исповедать моё общение со Святейшим Патриархом»²⁰.

Заметим кстати, что храмовые богослужения в посёлке Петушки, где Владыка провёл последние годы жизни, тогдашний владимирский уполномоченный по делам Русской Православной Церкви не разрешил епископу Афанасию совершать в архиерейском облачении, поэтому Владыка и молился келейно.

Вторая проблема, возникшая при канонизации святителя Афанасия, заключалась в том, чтобы правильно оценить и интерпретировать материалы из архивов Федеральной Службы Безопасности. Общеизвестно, что документы ОГПУ - НКВД – источник крайне тенденциозный, и при работе с такого рода источниками необходимо отдавать предпочтение тем фактам, которые они сообщают «вопреки

¹⁹ Там же. С. 283.

²⁰ Там же. С. 32.

главному направлению своей тенденциозности, вопреки интересам своего составителя»²¹.

Следователи, составляя протокол допроса, переводили показания на язык официальной советской риторики с обвинительным уклоном. О том, как это происходило, епископ Афанасий писал в своём заявлении наркому внутренних дел: «Мои показания следователь... не записывал точно с моих слов, а формулировал их так, что получался совершенно иной смысл. Напр<имер> простое перечисление фамилий в ответ на вопрос: «Кто мои знакомые» принимало такую приблизительно формулировку: «В состав возглавляемой мной организации входят такие-то»²². Составленный таким образом протокол Владыка в 1936 подписал, и на этом основании в 1957 году ему было отказано в реабилитации, поскольку, протокол содержал утверждение, что Сахаров: «...стоял на платформе нелояльного отношения к советской власти», то есть на позиции «ссылного епископата, борющегося за сохранение устоев православной церкви»²³.

В 1957 году Владыка отказался от показаний, якобы данных им в 1937 году: «Почему я подписал протокол допроса, где указано то, что не я мог показать, в частности, о наличии платформы, о существовании которой мне известно не было, – говорил он, – объяснить затрудняюсь»²⁴. Скорее всего, епископ Афанасий, ещё не знакомый тогда с практикой искажения показаний путём их перевода на большевистский «новояз», подписал протокол, не прочитав его внимательно.

Такой способ составления документов, при котором факты изменялись до неузнаваемости, был в 30-е годы для работников НКВД делом обычным. Например, в обвинительном заключении, которое предъявили клирику Владимирской епархии, священномученику Константину Твердислову (+1 октября 1937), богослужение, совершённое им в день святой мученицы царицы Александры, значилось

²¹ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 130.

²² Молитва всех вас спасёт. С. 206.

²³ Там же. С. 213.

²⁴ Там же. С. 212.

как «молебны о бывшем царствующем троне (так! – Прот. Г. М.) Романовых»²⁵.

Естественно, что комиссия по канонизации учла не протокол, подписанный Владыкой Афанасием в 1936 году, а отказ от показаний, сделанный спустя двадцать лет. Нам кажется, что в тех случаях, когда к заключённым исповедникам применялись жестокие пытки и у них, по выражению одного из узников ГУЛага, «выбор был явно выигрышный – расстрел без побоев против расстрела со зверскими побоями»²⁶, синодальной комиссии по канонизации следует проявлять снисхождение и смягчать критерии, игнорируя признательные показания людей, обречённых на смерть и принявших мученическую кончину (например, архиепископа Феодора (Поздеевского) и других угодников Божиих).

Что же касается «признательных» дел, когда на следствии обвиняемые признавали вину в антисоветской деятельности или просто в нелояльности к соввласти, то в этом вопросе трактовать данный момент можно не только как проявление малодушия. Святитель Афанасий до конца своих дней так и не стал «лояльным» власти, политика которой прямо указывала на борьбу с Церковью.

И, наконец, третья – последняя по счёту, но не по значению проблема. Владыка Афанасий (Сахаров) был замечательным церковным гимнографом, составителем службы Всем святым, в земле Русской просиявшим, над которой трудился до конца своих дней, а также службы в честь Максимовской иконы Божией Матери и многих богослужебных чинопоследований. Поэтому в материалах для канонизации, представленных Владимирской епархией в Синодальную комиссию, святитель Афанасий был назван не только исповедником, но ещё и песнописцем. Так же именовался святитель и во многих, посвящен-

²⁵ Кантов Д. В. Житие священномученика Константина Вязниковского. Владимир, 2006.

²⁶ Гурвич П. Новости с воли // «Человек человеку – человек...»: Сборник воспоминаний и статей памяти Перси Борисовича Гурвича. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2011. С. 280.

ных ему изданиях: в «Собрании писем», в подробном жизнеописании, выпущенном к сорокалетию со дня его преставления²⁷, в текстах акафиста и синаксария, составленных и опубликованных по благословению архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия²⁸.

Однако в официальных изданиях РПЦ епископ Афанасий песнописцем до недавнего времени не назывался. Но на состоявшемся 4 октября 2012 года под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла заседании Священного Синода Русской Православной Церкви был утверждён и рекомендован к общецерковному богослужебному употреблению текст службы священоисповеднику Афанасию, епископу Ковровскому, в котором Владыка назван песнописцем. В службу включены три тропаря, написанных в своё время святителем Афанасием²⁹. Таким образом, и третий проблемный вопрос был снят.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность всем, кто внёс свой вклад в дело канонизации святителя Афанасия: духовенству, монашествующим мирянам, историкам и филологам, сотрудникам архивов и церковным гимнографам, благодаря которым состоялось прославление этого угодника Божия в лике святых новомучеников и исповедников Российских на юбилейном архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (13-16 августа 2000 года).

²⁷ Сергия (Ежикова), инокия. Указ. соч. С. 3.

²⁸ Акафист и синаксарий святителю Афанасию, епископу Ковровскому, исповеднику и песнописцу. Владимир, 2005. – 36 с.

²⁹ Официальный сайт Московского Патриархата.

Монахиня Сергия (Каламкарова)

**ПРОТОИЕРЕЙ ТРОИЦКОГО СОБОРА ГОРОДА
АЛЕКСАНДРОВА НИКОЛАЙ ХАРЬЮЗОВ**

Николай Александрович Харьюзов родился в 28 ноября 1900 г. в городе Великий Устюг Вологодской губернии, в семье священника Александра Афанасьевича Харьюзова и его супруги Ларисы Флавиановны³⁰.

Окончил 4 класса Ишимского духовного училища (учился с 1909 по 1913 г.) и поступил в Киевскую духовную семинарию, которую закончил в 1917 г.

³⁰ Младший брат Николая Владимир родился в 1908 г, сестра Зоя (в замужестве Дунаева) – в 1903 году, жили впоследствии в Москве.

В 1918 г. Николай Харьюзов поступил на историко-филологический факультет Киевского Университета, закончил три курса в 1921 г., государственных экзаменов в то время не было.

С июня 1921 г. он работал заведующим детской площадкой в селе Косеново Тальяновского р-на Киевской области. Осенью 1921 года был переведен на должность секретаря рабоче-крестьянской инспекции Тальяновского района.

С начала 1922 г. по август 1922 г. работал учителем русского языка и литературы в семилетней школе с. Роги Уманского уезда Киевской губернии.

Супругой Николая Харьюзова стала дочь священника церкви села Роги Леонтия Степановича Гримальского³¹ Надежда, родившаяся в 1899 г.

7 августа 1922 г. Николай был рукоположен в сан диакона к церкви местечка Тальное Киевской губернии.

27 августа 1922 г. рукоположен епископом Уманским Макарием (Кармазиным) во священника к церкви Иоанна Богослова с. Кислин Букского района Киевской губернии.

В этом же году в семье родился сын Николай³².

В 1924 году отца Николая перевели священником к церкви Рождества с. Помойник Маньковского района Киевской области, в 1925 г. - к церкви Рождества местечка Буки Киевской области.

В 1929 г. он перешел в Вятскую епархию, где служил его дядя, иерей Леонид Афанасьевич Харьюзов³³, и был назначен священником церкви Нерукотворного Спаса села Залазнинский завод Вятской губернии.

В 1930 г. иерей Николай Харьюзов был принят в Московскую епархию и назначен настоятелем Никольской церкви села Жигалово Щелковского района Московской области, где служил до 1937 г., когда был переведен в село Гжель Раменского района.

³¹ Расстрелян в 1938 г., прославлен как священномученик.

³² Стал геодезистом-топографом, жил позже в Казани.

³³ Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.

В 1935 г. у Харьюзовых родилась дочь Тамара³⁴.

14 сентября 1937 г. был арестован отец иерея Николая протоиерей Александр Харьюзов, служивший в селе Зюзино Ленино-Дачного (бывшего Царицынского) района под Москвой, и вскоре приговорен к 10-ти годам заключения³⁵.

Отец Николай сразу же попросил у священноначалия перевода на место отца к церкви Бориса и Глеба в Зюзино и в сентябре поселился в сторожке при храме. Сумев быстро организовать прихожан, он создал церковный совет, получил разрешение на открытие церкви и начал совершать богослужение.

Не прошло и двух месяцев, как 28 ноября 1937 г. в 8 часов утра Н.А. Харьюзов был арестован Ленинским РО УНКВД МО для привлечения в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 10 УК за проведение активной контрреволюционной деятельности среди населения. В его доме произвели обыск.

Отец Николай был заключен в Таганскую тюрьму и на следующий день допрошен. Виновным в предъявленном обвинении он себя не признал.

³⁴ С отличием окончив школу и торговый техникум, работала в Даниловском универмаге в Москве.

³⁵ 9.01.1938 г. Новосибирской Тройкой УНКВД был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян, но родственники об этом так и не узнали.

Обвинение было построено на свидетельских показаниях двух жителей села - колхозников. Следователь записал якобы слышанные ими от отца Николая среди верующих слова: «Коммунисты стали как звери, не считаются ни с чем, даже и с возрастом, арестовывают всех наподряд винных и безвинных, кого только вздумают, но это им даром не пройдет, царствованию ихнему скоро будет конец, за границей видят, как они издеваются над трудовым народом, оне помогут православным освободиться от проклятых коммунистов».

«На селе кругом вопль и стон, антихристы коммунисты разоряют страну, издеваются и расстреливают лучших людей. Но это им даром не пройдет, все православные должны сплотиться вокруг церкви Божьей и действовать за едино».

«Коммунисты ни за что судят и сажают в тюрьмы лучших людей, ни с чем не считаются, вот у меня забрали отца и не смотря на его старость все же посадили, вот вам и Сталинская конституция, вот вам и «свобода»».

«Терпите православные, скоро конец придет вашему терпению, будет война, всех коммунистов уничтожат».

Все эти высказывания были охарактеризованы как контрреволюционная агитация пораженческого характера, и следственное дело № 8253 по обвинению Харьюзова Николая Александровича было в начале декабря передано на рассмотрение Тройки при управлении НКВД МО.

7 декабря 1937 г. Тройка при УНКВД ССР по Московской области постановила: Харьюзова Николая Александровича заключить в исправтрудлагерь сроком на десять лет, считая срок с 26.11.37 г.

Для отбывания наказания отец Николай был отправлен в Бамлаг.

В марте 1939 г., находясь в 1-м отделении Бамлага на ст. Б.Невер п/о Тында, он отправил заявление о пересмотре дела на имя председателя Совнаркома ССР В.М. Молотова, в котором признает, что единственным его «преступлением» было сожаление об аресте отца. «Лишь величайшая вера в то, что в моем деле восторжествует социальная справедливость, что дело мое или же будет пересмотрено, или же передано, по новому Закону о судопроизводстве, в суд — заставляет меня быть морально спокойным и выдержанным, хотя физически я об-

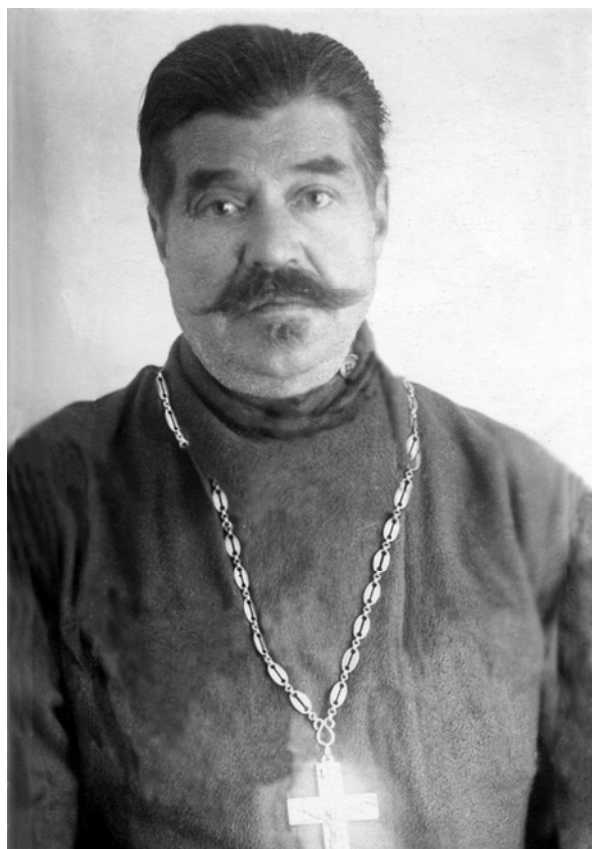
речен медкомиссией от 25.02.39 г. на «слабый труд», - писал отец Николай. 13 сентября дело было принято к пересмотру.

4 сентября того же 1938 г. супруга отца Николая Надежда Леонтьевна отправила заявление Наркому Внутренних Дел Берию: «... За что арестован мой муж я не знаю. Никогда он никакой антисоветской работой не занимался, не был ни близок, ни знаком с каким-нибудь врагом народа.

Никакого суда не было и не дали никакой возможности ему доказать неправоту возведенных на него обвинений. Вот уж скоро два года как я добиваюсь правды, и нигде не могу ее найти. У меня двое детей и инвалидка мать 72 лет, а я сама совершенно инвалид по здоровью, перенесла три операции труднейшие. Сын 16 лет, он должен учиться и помогать мне, это ему не под силу. Дочь четырех лет, конечно, не помощница, а мать тем более. Кроме того что без вины страдает мой муж, и на мне с детьми лежит не заслуженное нами пятно. Прошу Вас, пересмотрите дело моего мужа и вынесите правдивое решение по его делу.

Вместе со своим заявлением прилагаю заявление мужа, полученное с места заключения по почте».

19 декабря отец Николай пишет заявление в адрес Начальника НКВД по Московской области: «...Как свой арест, так и предъявленное мне обвинение в контрреволюционной агитации я считаю результатом политической мнительности, если не политического шантажа, ибо обвинительный материал настолько незначителен по своей юридической определенности и настолько мелок по своей сущности, что в связи с 10-ю годами лишения свободы вызывает полнейшее недоумение и заставляет предполагать, что авторы приговора задались целью дискредитировать Советский суд и основы Сталинской конституции.

В самом деле, в качестве единственного доказательства моей контрреволюционной агитации какое-то заявление совершенно неизвестной мне женщины о том, что я, якобы, публично, за столом, высказывал сожаление об аресте своего отца. И только, больше ничего! Мои объяснения, требование очной ставки, требование соблюдения самых элементарных правил судопроизводства — все это выслушивалось со снисходительной усмешкой и только. Что я сожалел об аресте своего отца, я не отрицаю и сейчас, но чтобы из этого простого и естественного сыновнего сожаления создавать факт контрреволюционной агитации, то для этого нужна своеобразная логика. Других обвинений мне предъявлено не было. Виновным себя я, конечно, не признал.

И только уверенность в конечной победе социалистической справедливости, уверенность в том, что рано или поздно, но восторжествует социалистическая Законность — давала мне силы переносить свое заключение и честно относиться к труду и на общих работах, и в качестве бригадира, техучетчика и т.п.

Да, я был служителем культа, но это не значит, что я был врагом своей Родины, был изменником своего Социалистического Отечества, успехи которого из года в год я видел воочию. Я не занимался никогда и никакой контрреволюционной агитацией. Об этом могут подтвердить все знающие меня даже и по Щелковскому р-ну, где я прожил 6 лет.

Я прошу Вас, гр. начальник, рассмотреть мое дело и, или же прекратить его за отсутствием доказательств, или же дать мне возможность через суд доказать свою правду, свое неучастие в контрреволюционной агитации. Этим самым, Вы гр-н начальник, лишний раз дадите мне и моей семье возможность увериться, что Основы Советской Конституции незыблемы и что Суд Социалистического Государства — суд беспристрастный и более гуманный, чем суды всех остальных стран и государственных систем».

В ходе следствия, произведенного при пересмотре дела, были допрошены люди, знавшие по селу Зюзино отца Николая, в том числе члены сельсовета и свидетели, дававшие показания в 1937 г. Все они показали, что антисоветских высказываний и вообще бесед на политические темы от него не слышали. Как же они подписали тогда иные показания? Объяснение было дано: «К показаниям я подписался по-

тому, что мне их не зачитывали и я не знал, что там было записано. И я сам не читал, разобрать не могу»; «К показаниям я подписалась по тому, что мне то, что записано и прочтено сейчас, так не зачитывали».

Но следователем было выяснено, что отец Николай знает несколько иностранных языков, а один из новых свидетелей, бухгалтер совхоза, приставленный в 1937 г. сельсоветом следить за священником, показал, что видел, будто посещавшая с экскурсией церковь некая иностранка (бывшая графиня) якобы передала что-то отцу Николаю. Кроме того, он слышал, как «Харьюзов после приезда в с. Зюзино заявил, что он приехал продолжать дело отца» (который ранее был арестован за активную контрреволюционную деятельность среди населения, имел связь с иностранцами и подозревался в шпионаже)». «Учитывая, что осужденный Харьюзов Николай Александрович выходец из социально-чужой среды (служитель рел. культа)», УНКВД посчитало это достаточным, чтобы принять решение об оставлении приговора в силе. Но и.о. прокурора Ленинского района посчитав, что показаний свидетелей недостаточно для изобличения осужденного Харьюзова в шпионаже и контрреволюционной деятельности, отправил дело на дополнительное расследование, согласившись впрочем с тем, что «Харьюзов по своему происхождению является социально опасным элементом для общества и поэтому освобожденным из под стражи быть не может до полного расследования его дела».

В ноябре Раменский райотдел НКВД начал допрашивать новых свидетелей – жителей села Жигалово, в котором отец Николай прослужил несколько лет. Некоторые из них пели в то время на клиросе. Большей частью показания были нейтральными: в них описывалось, как Николай Александрович (так называли жители села священника) играл с детьми и молодежью в футбол, в городки и теннис, уделял много времени чтению художественной и философской литературы. В политике при беседах он держался неопределенной стороны, и они не могли точно сказать, за или против советской власти он был.

Но следователю удалось найти двух жителей Жигалова, давших нужные показания: «Мне самому лично в 1936 г. приходилось слышать от попа Харьюзова Николая Александровича недовольство колхозным строем. Как человек он очень хитрый. Среди колхозников он

проводил нездоровые разговоры. Призывал не работать в колхозе. При этом он говорил: «Сколько в колхозе не работайте, все равно хлеба иметь не будете».

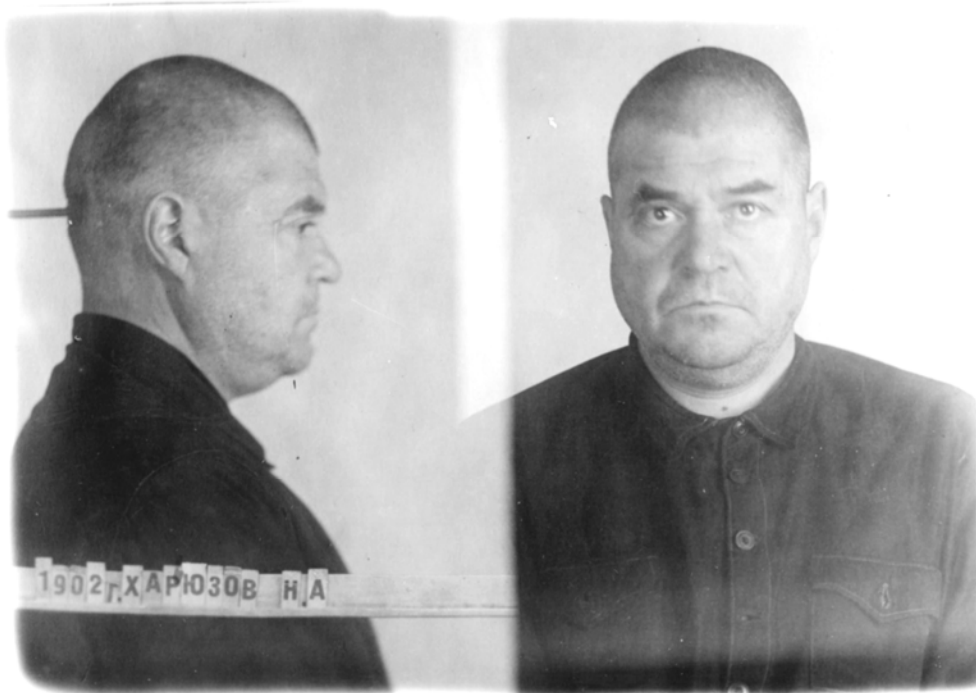
На этом основании 3 декабря 1939 г. постановлено было отказать в ходатайстве «Харьюзова Н.А.... как а/с человека, который проводил подрывную работу в колхозе, разлагал дисциплину в колхозе и вел к-р агитацию против колхозного строительства, ... будучи враждебно настроенным к Сов. власти проводил контрреволюционную деятельность». Приговор Тройки УНКВД от 1937 г. был оставлен в силе.

Еще один раз, находясь в Онежском отделении Сороклага в апреле 1940 г., отец Николай подает жалобу на имя Наркома Внутренних дел, в которой пишет: «Виновным я себя не признавал и не признаю. И юридически и фактически моя вина не доказана. Я - жертва политической мнительности людей не в меру усердных.

Кто меня судил? Люди, которые своими огульными сроками только дискредитировали органы НКВД. Этих людей уже нет, они разоблачены и сами сидят в лагерях...

Самым фактом ликвидации тройки доказана несостоятельность моего осуждения на 10 лет».

Ответа на эту жалобу не последовало.

В августе 1941 г. заключенный Харьюзов Н.А. был переведен в Ягринлаг в город Молотов, откуда в 21 ноября 1943 г. согласно решению Архангельского обл. суда был по болезни освобожден досрочно.

3 декабря 1943 г. отец Николай вернулся к своей семье, находившейся с начала 1942 г. после эвакуации из Москвы в селе Жердевка Жердевского района Тамбовской области, и жил там до 25 декабря. С 26 декабря того же года до марта 1944 г. проживал в Загорянке Щелковского района Московской области, временно прописавшись у дальней родственницы. Все это время он болел и находился на иждивении родственников, не имея возможности получить место церковного служения.

В 1944 г. отец Николай приехал в Москву и обратился за помощью к знавшему его как священника по совместной работе с 1935 по 1937 год секретарю Московской епархии протоиерею Сергею Даеву, который и попросил митрополита Николая (Ярушевича) дать иерею Николаю Харьюзову место служения в Московской области.

В марте 1944 г. отец Николай был назначен настоятелем Михайловской церкви села Загорново Московской области.

В 1945 г. возведен в сан протоиерея, в 1948 г. награжден палицей.

С 1945 г. отец Николай Харьюзов становится постоянным литературным сотрудником Журнала Московской Патриархии.

В 1946 г. он награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне».

Служение отца Николая отличалось большой смелостью для того времени. Им проводилась реставрация как икон внутри церкви, но и росписей снаружи, что воспринималось властями как специальные действия, чтобы привлечь в церковь большее число верующих.

В 1945 - 1946 гг. неоднократно в Загорнове совершались торжественные соборные богослужения, на которые протоиерей Николай приглашал других священников. Службы эти привлекали множество молящихся и противниками веры воспринимались как устроенные специально для того, чтобы отвлечь колхозников от работы в колхозах.

Врагом отца Николая стал директор сельской школы, которому, когда он осенью 1946 г. копал картофель на своем участке, священник

заявил: До чего унизили у нас при советской власти учителя, даже директор школы занимается рытьем картофеля, сов. власть не проявляет заботы об учителях, материально их плохо обеспечивает».

В декабре 1946 г. в Загорновской школе состоялось собрание учителей школы совместно с сельским активом на тему международного положения. Отец Николай пришел на него без приглашения. В противовес словам докладчика о том, что церковь являлась в своей основе, а особенно в последние годы реакционной, священник поднялся с места и выступил перед присутствующими с заявлением о том, что Православная Церковь не является реакционной, мероприятия её нужно проводить и поддерживать.

Ежегодно перед началом учебного года отец Николай служил 29 или же 30 августа молебны для школьников и причащал детей. В церковь собиралось до 200 учащихся начальных классов Загорновской, Сафоновской и Старковской школ. В проповедях перед детьми священник говорил, чтобы школьники слушались учителей, родителей, посещали церковь и не забывали Христа.

Получения каких-либо указаний или разрешений от властей на проведение таких молебнов он не считал нужным, так как проводил их согласно церковной практике и церковному уставу. После совершенного молебна среди многих школьников распространился слух, что в школах будет введен урок Закона Божия и преподавателем этого предмета якобы будет отец Николай Харьюзов.

В 1949 г. директор Загорновской школы попытался противодействовать привлечению детей к вере, и в день молебна 30 августа организовал детский утренник в школе. В церкви были ученики только Сафоновской и Старковской школ. Но 3 сентября отец Николай отслужил для детей повторный молебен.

В первых числах мая 1948 г. при проведении кампании по подписке на государственный заём, протоиерей Николай на просьбы председателя Загорновского сельсовета Демичева В.Т. об увеличении суммы подписки сказал: «Подписываться на заём я больше не буду, пусть подписываются работники сельсовета, они обязаны поддерживать мероприятия Сов. власти, я же поддерживать эти мероприятия не буду».

В июне 1948 г. протоиерей Николай произнёс проповедь на похоронах члена партии председателя колхоза А.П. Филипповой, отмечая, что она в последние дни жизни стала верующей и всем необходимо следовать её примеру.

В сентябре 1948 г. ревностный священник обошёл все дома в деревне Литвиново, служа молебны, несмотря на то, что по указанию исполкома Раменского Райсовета депутатов ему было это запрещено в связи с эпидемией инфекционных заболеваний. Вызванный председателем Загорновского сельсовета, отец Николай заявил, что решению Исполкома Райсовета он подчиняться не будет.

Всё это происходило во время, когда назревали повторные репрессии против священнослужителей, и отец Николай не мог не попасть под прицел ГБ. В конце 1948 г. к нему был приставлен секретный осведомитель Ш., работавший учителем в местной школе и бывший классным руководителем дочери отца Николая Тамары. Он неоднократно посещал священника дома, вызывал его на провокационные беседы, просил почитать религиозную и философскую литературу, якобы нужную ему для обучения в пединституте.

12 ноября 1949 г. священник Николай Александрович Харьюзов был арестован в селе Загорново и заключён во Внутреннюю Бутырскую тюрьму города Москвы. Во время обыска у отца Николая кроме документов и медали были изъяты и после сожжены письма, фотографии, рукописи и книга Николая Бердяева «Под углом вечности. Опыты философские, социальные и литературные» (1900 - 1906 гг.) издания 1907 г.

Шесть раз - 13 и 26 ноября, 8, 12, 28 и 30 декабря отец Николай был допрошен, с двумя свидетелями была проведена очная ставка. К делу были приобщены также показания двух секретных осведомителей – учителя и бывшего уголовного заключенного.

На допросах отец Николай не отрицал, что высказывался «о том, что в 1937 году людей сажали в тюрьмы без суда и следствия и в заключении погибло очень много невинных людей»; «о Загорновском колхозе, где колхозникам жить тяжело, так как они уже несколько лет на трудодни ничего не получают, к тому же их обложили непосиль-

ными налогами, что они даже продают своих последних коров»; «что у нас коммунизм у отдельных лиц принимает форму религии, заставляют верить в несуществующее будущее, в стране демократии настоящей нет, нет свободы слова, печати»; «в разговоре по поводу постановления партии и правительства о лесозащитных насаждениях в нашей стране - о том, что лесозащитные полосы являются не новостью, что Америка этим занимается уже давно. Для примера показывал иллюстрации из американского журнала «Америка»; критиковал мичуринское учение; положительно отзывался о Бердяеве, как о хорошем публицисте и литераторе своего времени.

Все эти высказывания были оценены как антисоветские, показаний свидетелей было достаточно, и 30 декабря 1949 г. следствие было закончено. Виновным в антисоветской агитации себя отец Николай не признал.

31 декабря 1949 г. было вынесено обвинительное заключение по обвинению Харьюзова Николая Александровича по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР, в котором указывалось, что «будучи враждебно настроенным к Советской власти, Харьюзов на протяжении 1947-49 гг. при исполнении им религиозных обрядов, а также в частных беседах со своими знакомыми проводил антисоветскую агитацию провокационно-клеветнического характера:... клеветал на советскую действительность и условия жительства советского учителя; высказывал клеветнические измышления на коммунистическую партию, на руководителей ВКПб и советского правительства, на условия трудящихся в Советском Союзе, на колхозный строй, восхвалял условия жизни рабочих в капиталистических странах...». «Кроме того, Харьюзов перед началом учебного года систематически проводил специальные молебны для школьников, на которых призывал детей посещать церковь, а также устраивал церковные службы в период полевых работ в колхозах, отвлекая таким образом верующих колхозников от работы».

Следственное дело № 1046 по обвинению Харьюзова Николая Александровича через прокурора Московской области было направлено на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР, которым он 22 февраля 1950 г. осужден по ст. 58-10 ч. 1 и направлен для отбывания 10-летнего наказания в лагерь строгого режима МВД СССР.

После осмотра врача, признавшего у отца Николая заболевание сердца и рекомендовавшего легкий труд, ему было предписано: «годен к физическому труду».

17 марта ему был выдан наряд в Волголаг, под город Щербаков³⁶ (Рыбинск) Ярославской области.

Вскоре отец Николай подал заявление о пересмотре дела. В августе 1950 г. в пересмотре решения было отказано. Но осужденный священник не терял надежды и неоднократно подавал жалобы в ОСО, Верховному Прокурору ССР, в Министерство Госбезопасности. Вот некоторые цитаты из них: «Виновным я себя не признал и на следствии, не признаю и сейчас. Скажу больше, следствие так же не доказало моей виновности. И это для меня не понятно. Правда, следователь мне довольно цинично заявил: «тот, кто к нам попадет — конченный человек и ему никто и ничто не поможет»...

...Обвинительные материалы настолько смехотворны и бездоказательны, что только цинизм и беззастенчивость следователя позволили из него «состряпать» некое подобие обвинения.

В чем сказалось нарушение Сов. законности в моем деле?

1. Совершенное нежелание следователя считаться с моими объяснениями.

2. Предварительное оформление материалов очной ставки и «обработка» этого свидетеля.

3. Абсолютно никто не высказывался из тех лиц, которые могли бы быть свидетелями с моей стороны.

4. Нежелание вникнуть в те противоречивые и безграмотные данные, какие представлялись свидетелями обвинения.

5. Все мои свидетели обвинения никаких, кроме служебных и официальных отношений со мной не имели, двое из них мне вообще неизвестны...

Следователь не раз подчеркивал, что я все равно сяду, ибо я т.н. «вторник» (был судим тройкой НКВД по Московской области в 1937 г. при Ежове). «С такими как вы, говорил он мне, мы не церемонимся»...

³⁶ Название «Щербаков» Рыбинску было дано с 1946 по 1957 г.

Осудил меня орган, который меня не видел, которого я не видел и которому не мог сказать что либо в свое оправдание...

Я хочу не помилования, а справедливости. Хочу или пересмотрения моего дела и отмены приговора, или же, если я по каким-либо государственным соображениям должен быть временно изолирован, то дать мне право выехать в определенное место и там свободно работать. Я знаю, что и как гражданин, и как священник всегда принесу пользу для укрепления и процветания нашей Родины...

Я жду и надеюсь на справедливое решение моего дела. А пока свой арест и наказание (несоизмеримое вине!) я считаю не проявлением бдительности, а — мнительности или, даже, вредительства.

Николай Александрович Харьюзов».

Писала и мать отца Николая, 73-летняя Лариса Флавиановна заявление в МВД: «Слезно умоляю, верните мне моего сына, хотя бы я могла последние дни моей жизни прожить спокойно и умереть».

После обращения священника в Совет по делам РПЦ и Святейшему Патриарху Алексию I 24 ноября 1953 г. дело было направлено на пересмотр, правда, в удовлетворении было отказано.

На все жалобы - Генпрокурору, в Комиссию по пересмотру дел осужденных за к/р преступления - отец Николай получил отказ.

25 декабря 1955 г. Харьюзов Н.А. был досрочно освобожден.

После освобождения отец Николай стал добиваться пересмотра приговора 1937 г. На этот раз – успешно.

В феврале 1956 г. Зам. Генпрокурора СССР Д. Салин, пересмотрев дело, признал, что «осуждение Харьюзова за проведение антисоветской агитации не может быть признано правильным», и подал протест в Московский Областной суд. Его Президиум 7 марта 1956 г. постановил: «Протест удовлетворить. Постановление тройки при УНКВД ССР по Моск. обл. от 7 декабря 1937 г. в отношении Харьюзова Николая Александровича отменить и дело о нем производством прекратить за недоказанностью предъявленного обвинения».

В 1957 г. по ходатайству отца Николая было подано на пересмотр дело 1949 г. Допрошены новые свидетели - прихожане Загорновской церкви, которые характеризовали его как хорошего человека и свя-

30

щенника, проповедовавшего по Евангелию и ничего не говорившего против партии и правительства. 22 июля 1957 г. был допрошен и сам отец Николай.

Прокурор Московской области Марков признал, что предъявленное Харьюзову обвинение не доказано, и постановлением президиума Моск. обл. суда от 7 марта 1958 г. постановление Особого совещания при НКВД СССР от 22.02.1950 г. было отменено, а дело за недоказанностью обвинения производством прекращено.

После освобождения из заключения в конце 1955 г. протоиерей Николай начал искать возможность вернуться к церковному служению и обратился к епископу Владимирскому и Суздальскому Онисиму с просьбой принять его в клир.

С 4 января по 1 февраля 1956 г. отец Николай Харьюзов временно был назначен священником Богородице-Рождественской церкви села Ликино Судогодского района, а в начале февраля выехал в Москву.

По запросу от 14 января 1956 г. Уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров по Владимирской области И.И. Мирского 20 января 1956 г. от Уполномоченного по г. Москве и Московской области А. Тушина дана была характеристика на о. Николая, в которой говорилось: «В 1937 г. за антисоветскую деятельность был арестован органами НКВД и осужден к 10 годам ИТЛ. ...В 1949 г. был вновь арестован. Харьюзов по натуре очень хитрый и неискренний человек. Будучи настоятелем церкви села Загорново старался всеми мерами активизировать церковь и распространить ее влияние на окружающее население, а особенно на молодежь. На селе старался взять под свое влияние председателя колхоза и некоторых работников сельского Совета.

Дважды в селе Загорново собирал группу детей и среди них распространял религиозную пропаганду».

Но всё же протоиерей Николай Харьюзов получил регистрацию у Уполномоченного по делам религии по Владимирской области, и с тех пор его служение проходило в храмах Владимирской епархии.

С 10 февраля 1956 г. он назначен вторым священником Воздвиженской церкви с. Аббакумово Петушинского района.

14 марта 1956 г. перемещен для пользы службы на должность второго священника Троицкого собора г. Александрова, зарегистрирован

16 апреля 1956 г. В Александрове отец Николай проживал в церковном доме близ монастыря по адресу: ул. Совхозная, д.10, кв. 1.

С 12 августа 1957 г. назначен благочинным Киржачского округа.

В 1958 г. протоиерей Николай был награжден Святейшим Патриархом Алексием I наперсным крестом с украшениями.

15 июля 1959 г. для пользы службы Церкви перемещен архиепископом Онисимом священником к Воздвиженской церкви г. Вязников, но попросил освобождения за штат, которое получил 20 июля 1959 г.

Вскоре, 5 октября 1959 г., протоиерей Николай вновь вернулся к священнослужению и был назначен вторым священником Христорождественского собора г. Коврова, где зарегистрирован 18 ноября.

23 октября 1961 г. перемещен для пользы службы архиепископом Онисимом священником кладбищенской Князе-Владимирской церкви г. Владимира. В это время в течение полутора лет он был духовником Владимирского благочиния. Жил отец Николай на улице Герцена в доме 33, кв. 2.

Желая вернуться в г. Александров, где была похоронена его мать, протоиерей Николай Харьюзов просил архиепископа Онисима перевести его к Троицкому собору, и 20 июля 1963 г. был назначен вторым священником.

Обладая большой эрудицией и даром слова, отец Николай с 1945 по 1949 г., а также с 1956 г. по день смерти состоял сотрудником Журнала Московской Патриархии и, проповедуя в храмах, усердно сеял слово Божие в сердцах своей паствы. Отличительными качествами его души были простота, незлобие, смирение и жизнерадостность, чем он снискал любовь и уважение у прихожан и сослужителей алтаря. Своё пастырское служение батюшка нёс с усердием и любовью до последнего дня жизни.

В понедельник 9 декабря в 17 часов 20 минут протоиерей Николай Харьюзов пришёл в Троицкий собор для служения в честь иконы Божией Матери именуемой «Знамение». Еще в дороге он почувствовал себя плохо, но всё же не вернулся домой.

Настоятель собора священник Андрей Бородачёв вспоминал, что услышав стон вошедшего в алтарь священника, подошёл к нему. Отец

32

Николай сказал: «Умираю, в дыхательном пути стоит как будто карандаш». Быстро позвали имевшего фельдшерский опыт протоиереона Сергея Зензивеева, который расстегнул ворот подрясника отца Николая и дал ему нюхать нашатырный спирт. Приступ прекратился, и через несколько минут отец Николай, надев епитрахиль, подошел к Престолу. На слова протоиерея Андрея: «Вам нужен покой, идите домой» он продемонстрировал, как легко дышит, и сказал, что болей нет. Но вскоре приступ повторился, протодиакон увел отца Николая в крестильное помещение. Вызвали скорую помощь.

Приехавшая через полчаса врач, определила отравление, промыла желудок и сделала укол морфия. Больного священника отвезли домой, но состояние его ухудшалось. В 10 часов вечера приехала врач, прослушала, заявила: «бронхит» и уехала, в то время как отец Николай стал задыхаться. Присутствовавший при этом протодиакон Сергей, слышавший неправильное заключение врача о болезни, побежал вызывать снова машину скорой помощи, поняв, что у отца Николая начался отёк лёгких.

Около часа ночи о. Николая увезли в местную больницу, и мало было надежды, что его довезут живым. В больнице врачи установили диагноз: инфаркт миокарда и отёк правого лёгкого.

При этой болезни нужен полный покой, но о. Николай не мог спокойно лежать и даже вставал открывать форточку. С сердцем стало лучше, но не прекращалась рвота с кровью. Как передавали, он стремился домой - служить на день своего Ангела - Святителя Николая. Незадолго до смерти батюшка стал терять сознание, вскакивал со словами: «Пустите, пойду в храм служить».

12 декабря 1963 г. в 7 часов утра на 64-м году жизни протоиерей Николай Александрович Харьюзов скончался на руках у дочери от инфаркта сердца.

13 декабря священнослужители привезли отца Николая в храм, облачили по чину и отслужили великую панихиду. В субботу панихида была отслужена дважды: после Литургии и соборно – после всеобщего бдения, при большом стечении народа.

В воскресенье 15 декабря за ранней Литургией настоятель храма в проповеди сказал кратко о жизни и духовных качествах почившего отца Николая.

После поздней Божественной литургии при массовом стечении верующих в Троицком соборе города Александрова был совершен чин отпевания. На него остались все прихожане, бывшие за поздней литургией, стояли со свечами. Несмотря на длительность чина (почти три часа), никто не оставил храма до конца. На молитву об усопшем собралось шестеро священнослужителей: протоиерей Алексей Громов и священник Феодор Адельфин от Владимирского Епархиального управления; заштатные городские священники протоиерей Андрей Сергиенко и протоиерей Леонид Розанов, настоятель Троицкого собора священник Андрей Бородачёв и протодиакон Сергей Зензивеев.

Перед совершением чина отпевания настоятель собора огласил письмо Высокопреосвященнейшего Онисима Архиепископа Владимирского и Суздальского, в котором Владыка говорил о трудностях жизненного пути усопшего и отмечал его великое терпение и благодушие в перенесении с полным пониманием своего пастырского служения: «Он был светлой личностью в жизни церковной и в нашей жизни, научая и назидая нас своим пастырским словом».

Во время отпевания над гробом усопшего произнёс речь протоиерей Алексей Громов. С пением канона «Помощник и Покровитель» гроб с телом усопшего руками священнослужителей был обнесён внутри храма, в притворе отслужена краткая панихида, после чего тело отца Николая вынесли из храма и гроб установили в автобус. Множество народа пошло на кладбище, чтобы проводить священника в последний путь.

У могилы иерей Андрей Бородачёв и протодиакон Сергей Зензивеев отслужили последнюю литию. С пением «Святый Боже» гроб протоиерея Николая Харьюзова опустили в землю рядом с прахом любимой «мамочки», как он всегда её называл - Ларисы Флавиановны.

Отцом Андреем Бородачёвым был написан некролог, опубликованный позже в Журнале Московской Патриархии, многолетним сотрудником которого был почивший.

Покровский Владимир Павлович, Федотова Мария Яновна

СВЯЩЕННИК ПЕТР ИВАНОВИЧ ПОКРОВСКИЙ

Священник Петр Иванович Покровский родился 17 января 1874 года в Якиманской слободе Муромского уезда Владимирской губернии³⁷. Отец его, Покровский Иван Васильевич, происходил из духовного звания. После окончания Переславского духовного училища в 1868 году был определен пономарем в Якиманскую слободу, а в 1878 году перемещен псаломщиком в Казанский храм села Борисово того же уезда. Мать, Покровская Евгения Петровна, была дочерью служившего в селе Борисово диакона-псаломщика Петра Кузьмича Лебедева, занималась домашним хозяйством³⁸.

Петр был крещен в местном храме во имя праведных Богоотец Иоакима и Анны и наречен в честь святителя Петра, епископа Севастии Армянской, память которого Святая Церковь отмечает 9 января (по старому стилю). Этот день и отмечался в семье как день тезоименитства отца Петра.

Боголюбивые родители воспитывали детей в духе православного благочестия. От посещения храма Божия, нравоучительных бесед с отцом и матерью в юной душе Петра зародилась мечта служить Богу и людям в сане священника. Родители всячески укрепляли это желание сына. После окончания церковно-приходской школы Петр обучался в Муромском Духовном училище, которое окончил в 1891 году³⁹, а в

³⁷ Справка о рождении Покровского П.И., выдана 24.05.2001 г. отделом ЗАГС Администрации Муромского р-на Владимирской обл. Копия. — АВЕУ. Фонд комиссии по канонизации святых, д. П.И. Покровского.

³⁸ Архивная справка ГАВО Покровскому В.П. от 02.11.2000 г. № 137. Копия. <Далее: Архивная справка ГАВО - АВЕУ. Фонд комиссии по канонизации святых, д. П.И. Покровского П.И.

³⁹ ВЕВ. - 1891. - № 15. С. 363.

1897 году он окончил Владимирскую Духовную Семинарию по 2 разряду⁴⁰. Во время учебы в духовных школах Петр проявлял ревность и усердие к изучению богословских предметов, труднее давались ему греческий и латинский языки. После окончания семинарии в 1897 году он был определен учителем и законоучителем Смертинской церковно-приходской школы Вязниковского уезда, а 26 августа 1898 года - законоучителем местной церковно-приходской школы в погост Спас-Железино Судогодского уезда (ныне Селивановского района)⁴¹.

13 сентября 1898 года Петр Иванович обвенчался в городе Владимире с дочерью недавно умершего священника погоста Спас-Железино Анастасией Ильиничной Вознесенской⁴². По заказу супругов была написана икона святителя Петра и великомученицы Анастасии Узорешительницы, которая стала семейной святыней и сохраняется у их внуков до сих пор.

Вскоре после венчания, 13 сентября 1898 года, Петр Иванович был рукоположен во диакона, а 14 сентября, на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, в Боголюбовском мужском монастыре - во священника⁴³.

⁴⁰ Н. Малицкий Списки воспитанников Владимирской Духовной Семинарии. 1750-1900. – М. 1902. С. 202.

⁴¹ Архивная справка ГАВО.

⁴² Дата венчания указана собственноручно отцом Петром на полях принадлежавшего ему месяцеслова (с. 410), хранящегося у В.П. Покровского, <далее: Месяцеслов,> Родителями Анастасии Ильиничны были диаконский сын священник Илья Федорович Вознесенский (1839-1898), который, окончив Владимирскую духовную семинарию, с 25 июня 1867 года бессменно служил в храме погоста Спас-Железино, и дочь священника Прасковья Ивановна Делекторская (1846-1921). В первые годы своего служения отец Илия занимался разборкой ветхой церкви и постройкой новой деревянной же церкви, а затем ее украшением. Неоднократно он получал благословение и признательность Владимирских архипастырей и Святейшего Синода за усердие к храму и ревность к проповеданию Слова Божия. Один из братьев Анастасии Ильиничны, протоиерей Александр Ильич Вознесенский, настоятель Казанского собора города Вязников, был дважды репрессирован, погиб в 1930-е годы.

⁴³ Месяцеслов (собственноручные пометки отца Петра). С. 309-310.

Погост Спас-Железино, имеющий очень древнее происхождение, был небольшим селением с деревянной церковью Преображения Господня, построенной в 1868 году, и каменной - в честь святителя Николая. Последняя была не достроена и постепенно разрушалась. Также на погосте стояли дома духовенства и здание церковно-приходской школы. Железинский приход состоял из погоста и семи деревень, в которых проживали одни крестьяне, занимавшиеся обработкой земли, а в зимнее время - извозом на стороне, рубкой леса и плотничеством; жили небогато, но крепко держались старины и общины. Всего в приходе проживало около 1600 человек.

Прихожане с любовью приняли молодого священника, который сразу же начал заниматься благоустройством церкви и духовно-просветительской работой среди населения. Усердие отца Петра к совершению Богослужений, проповеданию Слова Божия и Церковному Уставу придавало, по словам прихожан, необычайную торжественность каждой службе. Его откровенность, простота в общении, умение утешить человека, забота о нуждах мирян понравились людям, и они

потянулись в церковь. Отец Петр большое значение придавал общению с детьми. Он сразу же внес новую струю в жизнь церковно-приходской школы: приобрел новые учебники; стал внедрять новые методики обучения грамоте сельских школьников; поднял уровень преподавания Закона Божия; создал детский хор; занялся сбором книг духовно-нравственного содержания, русской классики, книг для детей, газет и журналов. В 1904 году отец Петр был определен также законоучителем Надеждинской земской школы, которая находилась в его приходе⁴⁴.

Отцу Петру много приходилось ездить (ездил он на своей лошади) по деревням прихода. В каждый престольный праздник и оброчный день он совершал молебны в домах прихожан, иногда с выносом иконы из церкви в деревню, исполнял требы. Каждую такую встречу с прихожанами батюшка сопровождал поучительной беседой. Часто выезжал он и в школы прихода.

Как сельскому священнику, отцу Петру приходилось вести домашнее хозяйство, обрабатывать землю, запасать корм для скота, поддерживать в должном состоянии сад, пасеку. Домашнее хозяйство было основным источником пропитания семьи. Сам, с детства привыкший к крестьянскому труду, отец Петр и своих детей с юных лет приучал к тому же. В страдную пору помогали крестьяне, которым батюшка оплачивал их труд. По воспоминаниям матушки отца Петра, как бы он ни уставал на домашней работе, всегда неукоснительно исполнял молитвенное правило, с сердечным умилением прочитывал каноны и акафисты перед домашними иконами. В доме было много икон, у которых теплились лампы. Рядом с изображением Спасителя в терновом венце находился портрет святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, которого батюшка очень любил (портрет чудом уцелел и в годы гонений). В свободное время отец Петр исполнял на фисгармонии духовную музыку, занимался переплетом книг, журналов и газет, для чего в доме имелся переплетный станок.

⁴⁴ Архивная справка ГАВО.

6 сентября 1902 года Спасо-Преображенский храм погоста сгорел от молнии. Так возникла необходимость построения нового храма. Ни церковь, ни прихожане не имели необходимых для этого средств. Отцу Петру пришлось заботиться о благоустройстве ветхого и построении нового храма. Отдалённый храм отремонтировали, пристроили к нему обширные деревянные паперти, украсили его; приобрели новые колокола, пристроили каменный алтарь⁴⁵.

10 июня 1906 года на месте сгоревшего был заложен новый обширный каменный храм, построенный за семь лет. Освящён 20 июля 1913 года⁴⁶.

Спасо-Преображенский храм погоста Спас-Железино

⁴⁵ 27 октября 1902 года после первоначального благоустройства Никольский храм был освящен, а 31 октября 1910 года его освящали вторично после пристройки алтаря (Месяцеслов (собственноручные пометки отца Петра). С. 325, 327). В советское время храм был разрушен до основания, кирпичные глыбы использовали для фундаментов при строительстве домов в деревне Теренино и других хозяйственных нужд колхоза. В настоящее время на месте храма установлен крест.

⁴⁶ П. Вознесенский Новый каменный храм // ВЕВ. 1913. № 32. С. 639 - 643.

За усердное служение Святой Церкви отец Петр был удостоен наград: в 1903, 1904 года, 1905 годах – получил архипастырское благословение; в 1908 году – архипастырское благословение и благодарность Епархиального училищного совета за законоучительские труды; в 1906 году был награжден набедренником; в 1911 году – скуфьей, к празднику Святой Пасхи 1917 года – камилавкой⁴⁷.

Отец Петр и матушка Анастасия вырастили и выучили пятерых детей: дочь Антонина (1899-1987) окончила Владимирское епархиальное женское училище, учительствовала; дочь Зинаида (1902-1940) была болезненной с рождения, так как волнения при пожаре в храме в 1902 году не прошли бесследно для Анастасии Ильиничны, получила домашнее образование; сыновья Дмитрий (1906-1941) и Борис (1910-1943) погибли в годы Великой Отечественной войны; сын Павел (1912-1989) получил рабочую профессию. Сыновья школьное образование получили в городе Вязники, где служил брат матушки – отец Александр Вознесенский.

В дореволюционное время в доме отца Петра, особенно в летние месяцы, было много гостей из Москвы, Владимира, Вязников – многочисленных родственников батюшки и матушки. К гостеприимному отцу Петру приезжали на праздники, особенно на престольный – Преображения Господня, священники из окрестных сел. Праздники отмечались скромно, пили только медовую наливку собственного изготовления – отец Петр осуждал употребление крепких алкогольных напитков. Он боролся с пьянством и курением среди прихожан и сам подавал им пример: никогда не позволял себе выпивать при угощениях в деревнях, когда выезжал с молебнами на престольные праздники.

⁴⁷ Архивная справка ГАВО. Также: ВЕВ. 1903. № 3. С. 49; 1904. № 4. С. 42; 1905. № 7. С. 180; 1906. № 11. С. 73; 1911. № 13. С. 68. ВЕВ. 1917. № 13. С. 167 - 168.

Двери его дома были всегда открыты и для прихожан, которые могли прийти за советом, просто поговорить с батюшкой.

Отдаваясь всецело пастырскому служению, отец Петр был далек от политики. По воспоминаниям матушки Анастасии, известия о революционных событиях 1917 года, дошедшие до глубинки владимирщины с большим опозданием, отец Петр воспринял нейтрально, никак внешне не обнаруживая своего отношения к новой власти, к ее порядкам, руководствуясь словами священного Писания: «Несть власть, аще не от Бога». В своих проповедях он эту тему не поднимал. И прихожане не изменили своего отношения к Святой Церкви, к своему пастырю, пока волна репрессий не докатилась до их деревень.

Местные власти постепенно стали ограничивать влияние отца Петра на паству. Церковно-приходская школа была переведена в ближайшую деревню Теренино и стала советской начальной школой без преподавания Закона Божия. Вводились всякого рода ограничения на религиозную деятельность; храм и священнослужителей обложили непосильными налогами. Хотя приход был очень бедным, удавалось выходить из трудного положения. Более того, отец Петр не поощрял разговоры об этих трудностях, говоря: «На все Божия воля».

Начавшиеся гонения безбожной власти на Русскую Церковь коснулись и семьи отца Петра. Четверо из пяти детей по мере взросления оставили родителей, чтобы сохранить себе жизнь. Дочь Антонина и сыновья жили и работали в городе Муроме. Отец Петр всегда старался выбрать время навестить своих любимых детей, вынужденных покинуть отчий дом. Город Муром и для него был памятен по учебе в Муромском Духовном училище, и сам он родился близ Мурома. Сын Павел часто вспоминал его приезды, рассказы о событиях на погосте, сожаления отца, что он не смог дать всем детям духовное образование, чтобы поддержать семейные традиции; тихое молитвенное обращение к Богу о спасении их жизней. Отец Петр благословлял детей

на смирение и терпение лишений, призывал их помнить о Боге, не ожесточаться. Сам он смиренно переносил все лишения и говорил, что не покинет вверенную ему паству, как бы ни было трудно исполнять церковное служение, не предаст веру Христову, свой детский выбор, и будет нести свой крест до последнего издыхания. Вспоминал, что был рукоположен во священника именно в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Являясь примерным семьянином, отец Петр воспитал и в детях семейные ценности. Они не отказались от отца с клеймом «враг народа», как это случалось в те годы, не предали его, а с любовью принимали в Муроме и сами, таясь, приезжали к родителям со своими детьми.

В эти годы, когда церковную жизнь обуревали нестроения и изнутри, отец Петр неизменно оставался верным православию, отрицательно относился к обновленцам. Железинский приход не поддержал обновленческого епископа Антонина (Грановского). И в дореволюционное время в приходе отца Петра были только единицы раскольников - старообрядцы в деревне Екатериновка, тогда как в соседнем Дубровском приходе была целая группа старообрядцев⁴⁸. Во все время своего служения отец Петр большое внимание уделял сохранению чистоты православной веры.

Долгое время прихожане Спасо-Преображенского храма противостояли требованиям районных властей о закрытии церкви и раскулачивании семьи отца Петра. Но вот в деревне Теренино появились

⁴⁸ Противораскольническая деятельность Братства святого благоверного великого князя Александра Невского в 1913-14 отчетном году. <...> Судогодский уезд наиболее заражен расколом во Владимирской епархии. Раскол свил свое гнездо во многих приходах и сидит очень крепко... В приходе села Дуброво проживало 660 старообрядцев. Отрадно, что православные твердо держатся своей веры, не поддаются влиянию особенно австрийщины, и в этом нужно видеть залог успеха противостарообрядческой деятельности православных пастырей Судогодского уезда // ВЕВ. 1916. № 4. С. 53-57.

приезжие люди, которые разными средствами сумели склонить отдельных сельчан, главным образом из бедноты, и активистов из милиции, на раскулачивание семьи отца Петра. Оно было проведено зимой 1929-1930 года. Конфисковали имущество, изъяли продовольственные запасы. Одна женщина даже трюмо предложила разбить, чтобы досталось всем по кусочку. Говорили о скорой высылке семьи: «Вам ничего не надо будет». Семье было предложено покинуть собственный дом, но, по милости Божией, их все же оставили в кухне дома, - остальные комнаты были опечатаны, а впоследствии в них поселились милиционеры, занимавшиеся лесозаготовками для нужд района. За семьей батюшки было установлено наблюдение. Отцу Петру было запрещено совершать Богослужения, но ключи от церкви не были взяты.

Губернские власти сочли такие действия недостаточными, и вскоре прибыл представитель Владимирского ОГПУ, который изъяснял ключи от церкви и способствовал отчуждению прихожан от отца Петра. Это было первое закрытие церкви, которое, как и лишение общения с паствой, батюшка очень переживал, неустанно молился Богу о помощи. Впоследствии, на допросе 30 октября 1930 года, он, собственно-ручно, так описывал это время: «Службу свою я оставил ввиду сильного брожения в народе, который и сам на это время почти оставил хождение в храм... Во время же раскулачивания мужички, тут находящиеся, предлагали отказаться мне от службы и избрать другой способ пропитания, или же на время прекратить службу, с чем я и согласился. Прихожане понимали мое положение и даже не теснили своими просьбами совершить тот или иной акт (крещение, брак, погребение). Во время же приезда Владимирского агента ГПУ были отобраны ключи церковные. Около месяца мы были совершенно отрезаны от всех; старались нас избегать. После же статьи товарища Сталина народ вострепнулся; стали уже рассуждать о том, как бы возобновить службу церковную; женщины стали смелее выступать в защиту церкви на собра-

ниях и, наконец, соорганизовались и обратились в РИК с целью возвращения церковных ключей, которые и были вручены мне участковым деревни Теренино»⁴⁹. Служба в храме возобновилась, но ненадолго.

По доносу недоброжелателей 16 октября 1930 года отец Петр был арестован по необоснованному обвинению в том, что «в период коллективизации проводил антисоветскую агитацию, направленную на срыв мероприятий, проводимых в деревне, распуская слухи о якобы неизбежности падения советской власти». Виновным себя не признал. При аресте, в ходе обыска, была изъята собираемая годами домашняя библиотека под предлогом тщательного досмотра следователем с последующим возвращением. Однако в обвинительном заключении от 3 ноября, узаконена конфискация имущества и отобранных при обыске ценностей. Батюшка находился в заключении в районном отделении ОГПУ в посёлке Красная Горбатка. По постановлению тройки при полномочном представительстве ОГПУ СССР по Ивановской промышленной области от 31 января 1931 года, отец Петр был выслан в Северный край на три года, считая срок с 17 октября 1930 года. Срок он отбывал на Вологодчине, пас свиней. Батюшка был на вольном поселении, и жители помогали ему с пропитанием, а он, в свою очередь, молился Богу, поминая о здравии благодетелей и об упокоении их усопших сродников и знакомых. Однажды матушка Анастасия навестила его.

В октябре 1933 года отец Петр вернулся в ставший ему родным погост Спас-Железино. На следующий же день он обратился в сельский совет за разрешением служить у Престола Господня, хотя в это время церковная жизнь носила жертвенный характер. Получив ключи от церкви, он вновь начинает совершать богослужения.

Вскоре в помощь настоятелю был назначен второй священник – отец Иван Желудков. Теперь они вдвоём духовно окормляли паству,

⁴⁹ Ксерокопия протокола допроса Покровского П.И. от 30.10.1930 г. - АВЕУ. Фонд комиссии по канонизации святых, д. П.И. Покровского.

совершая ежедневные службы. Отец Петр постепенно отходил от тягот трёхлетней высылки, былой отчуждённости прихожан, притеснения власти, вынужденного отъезда детей. Глубоко верующие люди с великой радостью встретили своего пастыря и стали посещать храм. Это давало батюшке силы и окрыляло его. Да и власти не беспокоили отца Петра. Сельский совет даже вернул ту часть большого дома, которая была конфискована, и разрешил продать её жителю деревни Теренино, что дало возможность материально улучшить жизненный уровень семьи священника, выплатить все накопившиеся налоги, раздать долги, помочь детям. В архивном деле Селивановского РИКа была найдена такая запись: «О неправильном лишении избирательных прав гр. Покровского П.И., дер. Спас-Железино. Рассмотрено Райисбиркомом 17 ноября 1934». В 1935 году отцу Петру был выдан паспорт. Но это четырёхлетнее затишье было нарушено наступившим, трагическим для многих людей, 1937 годом, в конце которого маховик репрессий в стране набрал обороты. В его жернова попадает отец Петр вместе со вторым священником.

18 ноября 1937 года отец Петр был вновь внезапно арестован прямо в церкви, после окончания Богослужения. Ему не было разрешено проститься с семьей. При обыске были изъяты личные документы, переписка на 42-х листах, впоследствии уничтоженные. Батюшка содержался сначала в посёлке Красная Горбатка, а затем в Ковровской и Ивановской тюрьмах.

В выписке из протокола № 89 заседания тройки УНКВД СССР по Ивановской области от 3 декабря 1937 года отец Петр Покровский обвиняется «в активном участии в к/р деятельности группировки церковников. Систематически и активно вел к/р агитацию и распространял к/р провокационные и клеветнические измышления. Пропагандировал против конституции СССР, вместе с единомышленниками ставил перед собой задачи организовать восстание против соввла-

сти»⁵⁰. На этом заседании тройки отец Петр был приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

16 декабря 1937 года священник Петр Покровский принял мученическую кончину - был расстрелян в городе Иваново. Захоронения убиенных производились на городском кладбище Балино.

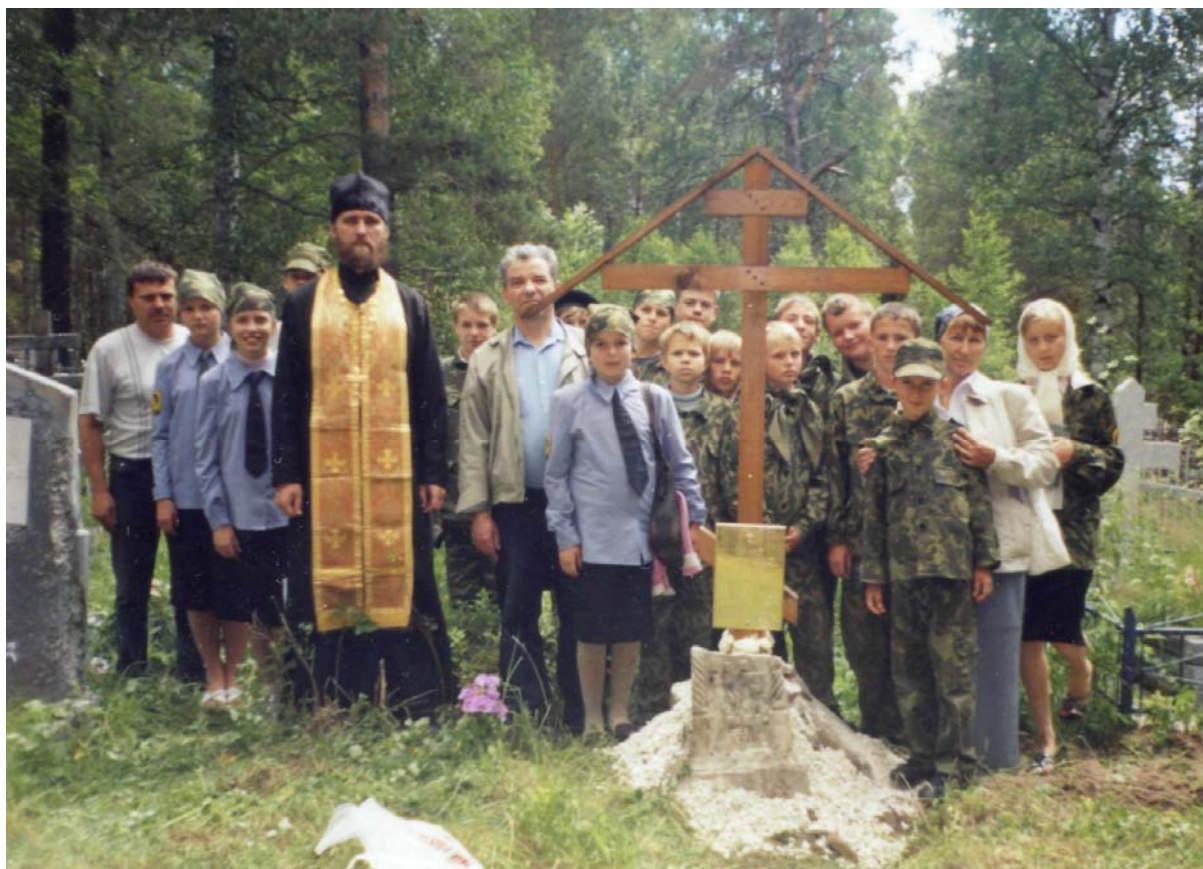
Отпевание отца Петра было совершено по просьбе матушки Анастасии в Благовещенском соборе города Муром в 1950-х годах - когда семья поняла, что его уже нет в живых.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» отец Петр был реабилитирован Прокуратурой Владимирской области по обеим репрессиям в августе 1991 года, а в марте 2002 года УВД Владимирской области реабилитирован по факту применения к нему политической репрессии в административном порядке – раскулачивание.

Светлая память об отце Петре осталась в сердцах знавших его. Большая часть прихожан со скорбью восприняли гонения на отца Петра, заботились о его семье, жившей в большой нужде, особенно в военные и послевоенные годы. В поминаниях прихожан Спасо-Преображенского храма погоста Спас-Железино записано: «О упокоении иерея Петра». Имя отца Петра записано на вечное поминовение в синодик Боголюбова монастыря, где были совершены его диаконская и иерейская хиротонии, и в синодик построенного им Спасо-Преображенского храма. Отрадно, что храм этот, хотя и закрывался несколько раз, но не был подвергнут разрушению и конфискации церковной утвари. Бог сохранил храм по молитвам его строителя и

⁵⁰ Ксерокопия выписки из выписки из протокола № 89 заседания тройки УНКВД по Ивановской области от 3.12.1937 г. — АВЕ. Фонд комиссии по канонизации святых, д. Покровского П.И.

благодаря стараниям прихожан, действия которых стали похвалой их пастырю, 36 лет трудившегося наставления их в вере.

Установка креста в честь строителя храма силами курсантов
НПО имени Дмитрия Донского

Людская молва о жизни и служении этого замечательного сельского священника, безвинно пострадавшего за веру Христову, после реабилитации стала постепенно оформляться в виде серии статей в региональной периодической печати (более 20-ти). Из них мы узнаём о памятных мероприятиях, связанных с именем отца Петра: заупокойной службе в день мученической кончины батюшки и оформленном стенде в церкви Преображения Господня; установленном на кладбище кресте в честь строителя храма силами курсантов НПО имени Дмитрия Донского (руководители – учитель истории Л.А. Артемьева и благочинный протоиерей Артемий Студентов); краеведческом исследова-

нии курсанта Н. Артемьевой «О строителе храма Преображения Господня и мученике за веру Христову отце Петре Покровском»; имя отца Петра вместе с братом матушки Анастасии отцом Александром Вознесенским высечено на одной из четырёх гранитных плит у памятника «Скорбь» на территории Благовещенского монастыря города Вязники⁵¹.

Личность отца Петра продолжает интересовать и взрослых и школьников; о нём и построенной им церкви слагают стихи (авторы Л. Муртазина и Л. Артемьева). Действующий красавец-храм и поныне является памятником его строителям на века.

Открытие памятника «Скорбь» на территории
Благовещенского монастыря города Вязники

⁵¹ Владимирские ведомости . 2007. 15 февраля; 21, 24 июля; Молва. 2002. 12 ноября ; 2003. 3 июня, 23 декабря; Селивановский вестник. 2007. 25 апреля; 19 сентября.; 2008. 11 октября; 2009. 15 июля; Владимирский край. 2003. 30 октября - 5 ноября. № 44; 18-24 декабря. № 51; 2003. 30 октября - 5 ноября. № 44.

Ершов Андрей Леонидович

О ЗАКРЫТИИ ХРАМА В СЕЛЕ МОШОК СУДОГОДСКОГО РАЙОНА

В 1919 г. с. Мошок стало центром антибольшевистского восстания. Были ли причастны к восстанию священник или кто-либо из духовенства, неизвестно, но тот факт, что восставшие установили на колокольне пулемет, долго еще использовалось в агитационных целях как символ единения Церкви и контрреволюции.

В апреле 1922 г. из церкви в помощь голодающим Поволжья изъяты 6 серебряных обложек с Евангелий, 1 лампада, 4 напрестольных креста, 1,5 комплекта священных сосудов, 1 кадило и 1 ковшичек (всего 20 предметов общим весом 21 ф. 50 зол.), кроме того, ризы с икон Казанской Божией Матери и Успения Богородицы оставлены взамен других серебряных вещей весом 28 ф. и оставлены некоторые незаменимые серебряные предметы; изъятие происходило в присутствии священника Николая Австринина⁵².

Некоторое смягчение антирелигиозной политики было во время так называемого «религиозного нэпа». Так, в 1922 г. Уэкосо приняло меры к восстановлению ярмарок в Судогодском уезде (оповещение населения, ремонт помещений, устройство товарообменных пунктов, заключение контрактов). В Мошке установили 6 ярмарок. Удивительнее всего, что их официально решено было называть по-

⁵² ГАВО. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 175. Л. 36.

дореволюционному, по-православному: 1) Мироносицкая (1-е воскресенье по Пасхе) и 2) Богословская (8 октября) – продавали на обеих ярмарках лошадей (из Муромского уезда), хлеб, рогатый скот; 3) Троицкая (в Троицу) – скот, сельхозинвентарь; 4) Петропавловская (12 июля) – продовольственные товары, сезонный инвентарь; 5) Казанская (21 июля); 6) Ильинская (2 августа) – хлеб-новь⁵³. Это является ярчайшим подтверждением силы религиозности в то время.

Но уже в 1928 г. верующим начали чинить препятствия. Так, в тот год проводился ремонт храма (купец Г.С. Афанасьев поставил всё необходимое). За то что рабочие не были застрахованы от несчастных случаев, председатель церковного совета А.П. Пивоваров и священник Н. Австринин попали под суд⁵⁴.

В 1929 г. в июльском номере владимирского журнала «Наше хозяйство» была напечатана статья «Темные силы села Мошка», в которой приводился компромат на некоторых так называемых «лишенцев» села (в том числе бывшего председателя церковного совета К.И. Каширина) и их родственников (например, уехавшего из села брата священника Анисова). Заканчивалась статья словами: «Темные силы во главе с попом Анисовым в с. Мошок чувствуют себя свободно и имеют сторонников вне с. Мошка. Вышестоящим следственным органам необходимо раскрыть и почистить из советских учреждений этих сторонников!»⁵⁵ Второй раз следственным органам повторять не надо было – 22 ноября того же года священник В.П. Анисов и бывший

⁵³ Наше хозяйство, (Владимир). 1923. № 1-2. С. 76.

⁵⁴ Наше хозяйство, (Владимир). 1929. № 7. С. 44 - 45.

⁵⁵ Свинухин Н.М., Подунов Н.Г. Темные силы села Мошка // Наше хозяйство, (Владимир). 1929. № 7. С. 44 - 45.

председатель церковного совета К.И. Каширин были арестованы⁵⁶, и не только они.

В мае 1935 г. сельсовет поднял вопрос о прекращении колокольного звона и снятии колоколов. Сначала заручились поддержкой колхозного актива и сотрудников больницы и неполной средней школы (примечательно, что даже там не все дали согласие). Собрание жителей села прошло также не совсем гладко: задавались вопросы, есть ли у сельсовета право снимать колокола, настаивали оставить один колокол на случай пожара. В результате постановили снять все колокола за исключением полиелейных на случай пожара⁵⁷. При этом, как поясняли позже верующие в своих жалобах, на собрании шла речь о том, чтобы оставить колокол не только для противопожарных целей, но и для богослужебных, т.е. верующие рассматривали снятие колоколов не как прекращение колокольного звона, а как сокращение числа колоколов, ведь им сказали, что страна нуждается в металле. Это же подтверждает протокол заседания церковного совета и церковного актива села Мошок от 23 мая, где прямо говорилось, что верующие согласны на снятие колоколов, кроме одного сигнального для пожарных целей и богослужений. Первоначально верующие собирались даже подавать телеграмму. Сняли колокола 23 мая на основании лишь постановления сельсовета, т.е. с нарушением закона – снимать их можно было только после постановления облисполкома. В оставленный же один колокол верующие звонили более 2 месяцев. Тем временем 26 июня Судогодский райисполком выносит постановление ходатайствовать перед облисполкомом о прекращении колокольного зво-

⁵⁶ Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. / Сост. А. Семенов, Е. Селиверстов. – Владимир, 2001; За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. – Александров, 2000. - С. 24.

⁵⁷ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 477. Л. 20, 23 - 26.

на и снятии колоколов, 8 июля Ивановский облисполком утверждает его. Верующие, получив такое постановление, с августа до декабря выслали в облисполком не менее 3 жалоб, но естественно, что последний не собирался отменять свое постановление, более того, сообщил сельсовету, что вес сигнального колокола не может превышать 16 кг (оставленный колокол весил 960 кг)⁵⁸. Возможно, в скором времени на основании этого был снят и последний колокол.

15 августа 1937 г. в с. Мошок был арестован священник В.И. Берстнев (приговорен к расстрелу), 6 ноября – священник А.С. Невский, в это же время – псаломщики А.В. и Ф.Н. Герасимовы (все приговорены к 10 годам лишения свободы). Следует полагать, что после этого регулярные службы в храме прекратились.

Через год, 21 августа 1938 г. общее собрание Новодеревенской комсомольской организации (17 человек) подняло вопрос о закрытии церкви, так как в настоящее время она не функционирует, пришла в полную негодность, требует ремонта. Выступил с этим предложением некто М.А. Крысин. Ценен протокол данного собрания фиксацией фразы этого Крысина о том, что «приходящие попы в церковь служат лишь для только корыстной цели самого себя, производят с верующих произвольные налоги». Сей факт можно понимать как указание на то, что на рубеже 1937–1938 г. были находившиеся на нелегальном положении священники, которые иногда совершали в храме службы.

В тот же день М.А. Крысин в д. Новой провел общее собрание членов колхоза им. Н.К. Крупской, где также поставил вопрос о закрытии храма, так как тот находится в полной бесхозяйственности, имущество расхищается, требуется ремонт на сумму 6000 рублей, и церковный совет сложил с себя всякую ответственность. Собравшие-

⁵⁸ Там же. Л. 5, 6, 10 - 19, 22.

ся согласились с предложением, но примечательно, что из 35 человек 7 были против этого. 23 августа вынесли решения о закрытии общины собрания ныне не существующей деревни Поросятьево (позднее – Оково) (26 человек) и колхоза «Волна революции» (д. Озяблицы) (73 человека, единогласно). 24 августа к решению присоединились жители д. Горячево (31 человек) и «большинство голосов» с. Мошок (57 человек), 26-го – жители ныне не существующих деревень Лукинки (38 человек) и С. Покровское (30 человек, единогласно). А в ныне не существующей деревне Колодники (27 человек) еще постановили снести у себя часовню «как совсем ненужную». Во всех случаях голосование предварялось лекцией об эксплуататорской сущности религии и связи Церкви с царизмом.

Тем временем, 23 августа П.Д. Гудков написал в Мошокский сельсовет что-то вроде объяснительной о том, что он не церковный староста и не член церковного совета, ему дали ключи от храма, но он у себя их не держит, а дает на хранение другим людям, за церковь и ее имущество не отвечает. В этот же день и церковный сторож С.Т. Спицин написал заявление, что церковного совета нет, временный церковный староста от ответственности за церковь и ее имущество отказался, поэтому и он тоже отказывается.

2 сентября 1938 г. Мошокский сельсовет на основании постановлений собраний колхозников и единоличников с просьбой о закрытии церкви постановил Успенскую церковь в с. Мошок закрыть, одновременно возбудив ходатайство перед Судогодским райисполкомом удовлетворить просьбу колхозников о закрытии церкви и передаче ее в распоряжение колхоза. 17 сентября Судогодский райисполком утверждает закрытие храма и передачу его в распоряжение сельсовета, так как церковь «в настоящее время находится без присмотра, церковный совет распался, а остальные члены, которые остались в

живых, ответственность за охрану церкви с себя сняли». Удивительнее всего, что в данном постановлении указывается, что церковь не функционирует с ... 1926 г.

28 сентября 1938 г. Ивановский облисполком ликвидировал церковь, постановив использовать ее под культурные нужды. В постановлении также фигурирует нефункционирование храма с 1926 г.

А 9 октября того же года П.Д. Гудков пишет в облисполком: «Я, гражданин Гудков П.Д., по вверенному мне гр-ми прихожан при существующей при с. Мошке церкви временно состою по исполнению как староста. Церков[ь] по окладу налогов за 1938 г. уплачено полностью, церковь находится не в бесхозном виде, при церкви находится сторож, ключи при мне, была опись церковной принадлежности. В настоящее время церковь стоит без обслуживания, гр-не прихожане просят меня о ходатайстве перед властями как по религии, чтобы нам храм восстановить для обслуживания. Я от этого не отклонился. Настоящим ходатайством и прошу Президиум облисполкома принять данное заявление, где прошу дать разъяснение по следующему к Вам отношению на право разрешения собрания церковного по вопросу ко временно избранному лицу дать ответственность и избрания другого лица и других вопросов. Ответ – сторожу церкви С.Т. Спицину»⁵⁹. Это самое настоящее ходатайство об открытии храма, примечательно, что написано оно в 2-недельный срок после постановления облисполкома о ликвидации церкви (как и требовалось по закону). Еще полгода назад это заявление необходимо было направить в Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК для рассмотрения. Но так как в апреле 1938 г. эта Комиссия сама была ликвидирована, то данное ходатайство, вероятно, осталось без ответа.

⁵⁹ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 966. Л. 1 - 17.

Долгое время храм стоял закрытым, с 1950 г. в нем была МТС (в алтаре – кузница, в других местах – станки), с 1957 г. – гараж. В 1960 г. храм хотели взорвать, но местные жители отстояли его. В 1980 г. был проведен ремонт (побелены стены и вставлены окна)⁶⁰.

⁶⁰ Судогда.ру

Ершов Андрей Леонидович

О ЗАКРЫТИИ ХРАМА В СЕЛЕ ПОГРЕБИЩИ

После революции 1917 г. верующие стали считаться не собственниками, а арендаторами храмов, причем нередко построенных ими самими или их предками, и должны были заключать с местными органами власти договоры аренды на эти храмы. Религиозная община в с. Погребещи была зарегистрирована 22 декабря 1923 г. Служили в храме священник Н.Н. Орлов, дьякон П.П. Воскресенский и псаломщик С.К. Орлов. При церкви были каменная сторожка и деревянный сарай. На колокольне висело 5 колоколов, кроме того, были еще большой и малый разбитые колокола и колокол без языка. В 1922 г. из храма изъяли сосуд, потир, дискос, звездицу, лжицу, крест и дарохранительницу из 4 частей в помощь голодающим Поволжья⁶¹.

До 1924 г. село являлось волостным центром, после, до 1954 г. было центром сельсовета.

В июне 1929 г. в селе оформилась ячейка СВБ (Союза воинствующих безбожников) из 15 человек (один вскоре утонул), поставившая целью перенаправить на сельское хозяйство средства, идущие на церковь. Правда, как сами они потом вспоминали, работать было сложно, так как «даже молодежь была религиозной». Тем не менее, уже 19 августа в д. Вяткино создается колхоз «Безбожник» из 8 хозяйств. Ячейка СВБ росла, создавалась ячейка СВБ при школе, и перед Днем Октябрьской революции безбожники заняли церковную сторожку под клуб. Верующие (И. Рыжов) пытались через рай- и окрисполком не

⁶¹ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 353. Л. 4 - 8 (об).

допустить изъятия, но безрезультатно. В январе 1930 г. ячейки СВБ появились в Высокове и Бараках, шла речь о прекращении колокольного звона (продать колокола и получить трактор) и закрытии церкви под медпункт. Верующие не молчали: не пускали детей в ячейки «Юного безбожника», молодежь д. Прокуринской отказалась посещать клуб, наблюдались попытки срыва антирелигиозных лекций. В феврале был арестован священник (вероятно, Н.Н. Смирнов), обвинялся в связи с баптистами (!) и в ведении эксплуататорского хозяйства. Как позднее вспоминали безбожники, «после раскулачивания – стало потише»⁶².

По данным на 1936 г., в сторожке помещалась неполная средняя школа, церковь действовала, колокола весом 6,5 т. на колокольне висели. По данным на 1939 г., церковь действовала, но колокола были сняты⁶³. Официально храм был закрыт в 1941 г.⁶⁴, но фактически мог перестать действовать раньше, возможно, с 1938 г.⁶⁵

21 июня 1944 г. верующие Погребщенского и Злобинского сельсоветов (60 человек) ходатайствовали перед Владимирским райисполкомом об открытии храма, чтобы «в пер[е]живаемое тяжелое время помолиться за своих детей, мужей и братьев». Райисполком к 2 сентября собрал следующие сведения о храме: «Здание Погребщенской церкви находится в удовлетворительном состоянии. Вся церковная утварь из церкви вывезена и реализована финансовыми органами, поэтому внутренний вид церкви потерял вид молитвенного здания, за исключением живописей на стенах. Здание церкви используется кол-

⁶² Пospelов В. Антирелигиозная работа в деревне (с. Погребщи, Владимирского района) // Наше хозяйство, (Владимир). 1930. № 9–10. С. 33 – 37; Призыв (Владимир). 1930. 12 января. С. 4.

⁶³ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

⁶⁴ Там же. Д. 236. Л. 3.

⁶⁵ ГАВО. Ф. Р-632. Оп. 8. Д. 6. Л. 6.

хозом под зерносклады. Названная церковь по решению исполнительного комитета райсовета была закрыта в 1941 г. и передана Рай-ФО, а последний продал ее Погребщенскому колхозу. Функционирующих церквей во Владимирском районе имеется две и намечена к открытию третья церковь (Николопольская). Расстояние от селений Погребщенского сельсовета до функционирующей церкви – Воскресенской (Лукинский сельсовет) – 8 км, от селений Злобинского сельсовета до этой же церкви – 10–12 км, до собора г. Владимира – 10 км». На этом основании Ивановский облисполком отказал верующим в открытии церкви⁶⁶.

По данным на 1962 г., в храме был склад, по данным на 1973 г., здание храма не использовалось, предполагалось к использованию под склад, на учете как памятник архитектуры состояло⁶⁷.

⁶⁶ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 236. Л. 4 –1.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 330. Л. 72; ГАВО. Ф. Р-632. Оп. 8. Д. 6. Л. 6.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сегодня мы только начинаем осмысливать историю XX века. Жизнеописания пострадавших за веру Христову в годы лихолетья дают нам возможность узнать иные, неизвестные нам факты.

Наиболее полные сведения о новомучениках и исповедниках владимирских, о подвижниках благочестия хранятся в архиве Владимирского епархиального управления. Фонд Комиссии по канонизации святых Владимирской епархии открывает нам интересные страницы истории владимирского края, характеризующие период 1917 - 1937 годов.

Ключевым событием этого времени стал созыв Поместного собора Русской Православной Церкви. 2 февраля 1918 года в число членов собора от монашествующих Владимирской епархии вошёл иеромонах Афанасий (Сахаров), выступивший в качестве содокладчика по теме о правилах канонизации святых в Русской Церкви. Иеромонах Афанасий впоследствии стал составителем службы «Все святым в земле Российской просиявшим».

23 января 1918 года Владимирский губернский исполнительный комитет получает определение НКВД о необходимости принять всё имущество Церкви «под строжайший контроль». Приходы должны были заключать соглашения с местной властью на право использования в богослужебных целях храмов и церковного имущества.

В 1918 - 1919 годах все храмы Владимирской епархии были переданы в ведение административных отделов горисполкомов и милиции.

1 февраля 1919 года во Владимирской епархии начинается кампания по вскрытию мощей святых. В Успенском соборе Владимира при мощах было установлено дежурства священника и псаломщика. В

числе первых дежурных были псаломщик А.А. Потапов и иеромонах Афанасий (Сахаров), превративший попытку глумления в прославление Владимирских святых.

В 1923 году Владимирский губисполком издает распоряжение о необходимости обязательной регистрации религиозных обществ. В конце 1920-х годов под различными предлогами идет массовое закрытие приходов. Организуются ходатайства «трудящихся» о закрытии храмов и запрещении колокольного звона.

В феврале 1929 года на места поступила директива за подписью секретаря ВКП (б) Л.М. Кагановича, курировавшего Ивановскую область, «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В ней духовенство открыто было объявлено политическим противником партии большевиков.

Это лишь небольшая часть событий, коснувшихся истории Владимирского края, которая позволяет нам уже сегодня говорить о необходимости более тщательного изучения истории того периода на основании жизнеописаний и ставших доступным нам удивительных писем современников тех лет, наполненных свидетельствами об их непоколебимой вере, твердом уповании и неиссякаемой любви. Исследователям ещё предстоит оценить важнейшее значение их подвига для нашей жизни и судеб нашего земного Отечества.